

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ПРАВОСУДИЯ

*Моника Карсс-Фриск
А.Н. Жеребцов, В.В. Меркулов
А.Г. Эртель*

**ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ
О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
И ОСНОВНЫХ СВОБОД**

Статья 1 Протокола №1

Право на собственность

**МОСКВА
2002**

Авторы:

Моника Карсс-Фриск, *королевский адвокат Палаты Блэкстона, Лондон*

Валентин Васильевич Меркулов, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой общеспециальных дисциплин Северокавказского филиала Российской академии правосудия,

Алексей Николаевич Жеребцов, к.ю.н., доцент кафедры общеспециальных дисциплин Северокавказского филиала Российской академии правосудия,

Анатолий Григорьевич Эртель, к.ю.н., доцент кафедры общеспециальных дисциплин Северокавказского филиала Российской академии правосудия

Перевод с английского кандидата юридических наук **Власихина В.А**

Издание финансируется в рамках Совместной программы
Европейской комиссии и Совета Европы.

© Российская академия правосудия, 2002.

© Совет Европы, 2002.

I. ПОНЯТИЕ «ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ» (краткий обзор содержания книги)

ВСТУПЛЕНИЕ

Статья 1 Протокола №1 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантирует **право собственности**:¹

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

Конвенция не является единственным международным документом по правам человека, в котором признавалось бы право собственности.² Включение этого права в Европейскую Конвенцию, однако, вызвало споры. Соединенное Королевство и Швеция, в частности, были обеспокоены тем, чтобы включение права собственности в Конвенцию не связало бы руки государства в деле реализации программ национализации промышленных предприятий, осуществлявшихся в политических и социальных целях.³ Формулировка, которая была, в конце концов, принята, предусматривает обусловленное право собственности⁴.

Соответственно рамки усмотрения государства⁵ при проведении социально-экономического курса, в результате которого допускается вмешательство в право собственности, довольно широки⁶. Но это не

¹ Решение Европейского Суда по правам человека по делу *Маркс против Бельгии* А 31 (1979).

² Всеобщая Декларация прав человека (статья 17) устанавливает, например, что:

«1. Каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими.

2. Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества»

(сравните с Международным Пактом о гражданских и политических правах, в который данное право включено не было).

³ См.: *Harris, O'Boyle and Warbrick, Law of the European Convention on Human Rights* (1995), p. 516.

⁴ См., в частности, второй пункт статьи 1 Протокола №1.

⁵ О концепции «рамки усмотрения государства» см. ниже пункт 94.

⁶ Решение Европейского Суда по правам человека по делу *Джеймс против Соединенного Королевства* А 98 (1986), пункт 46.

означает, что Европейский Суд по правам человека не играет никакой роли в оценке правомерности такого вмешательства. В своем решении по делу *Джеймс против Соединенного Королевства* Суд замечал⁷:

«...Хотя Суд не может заменять оценку национальных властей своей собственной оценкой, он обязан проверить предпринятую государством и оспоренную в Суде меру на предмет соответствия ст. 1 Протокола № 1 и, осуществляя такую проверку, исследовать факты, в связи с которыми были предприняты действия национальных властей» (п. 46).

В последние годы в особенности в Европейском Суде по правам человека было рассмотрено много дел, в решениях по которым Суд приходил к выводу, что государство выходило за рамки своего усмотрения и нарушало право собственности, гарантированное ст. 1 Протокола № 1⁸.

Понятие «право собственности» (краткий обзор содержания книги)

Первое, что необходимо помнить при изучении ст. 1 Протокола № 1, это то, что **концепция собственности или «имущества» толкуется очень широко**. Она включает в себя широкий спектр экономических интересов. Следующие объекты, как было установлено прецедентным правом, включены в сферу действия ст. 1: движимое и недвижимое имущество, материальные и нематериальные интересы, такие как акции, патенты, искомое решение арбитража, право на пенсию, право домовладельца на взыскание арендной платы, экономические интересы, связанные с ведением бизнеса, право заниматься той или иной профессией, правомерное ожидание применения определенных условий к индивидуальной ситуации, требующей правового разрешения, правопритязание и вопрос о посещении кинотеатра зрителями⁹.

⁷ А 98 (1986).

⁸ См., например, решения Европейского Суда по правам человека по следующим делам: *Спорронг и Лоннрот против Швеции* А 52 (1982 год); *Хентрих против Франции* А 296-А (1994 год); *Святые монастыри против Греции* А 301-А (1994 год); *«Прессос Компания Навьера А.О.» против Бельгии* А 332 (1995 год); *Ака против Турции* 1998-VI (1998 год); *Папакелос против Греции* (25 марта 1999 года); *Брумареску против Румынии* (28 октября 1999 года); *«Имбиллиаре Сафи» против Италии* (28 октября 1999 года); *Спачек против Республики Чехия* (9 ноября 1999 года); *Бейлер против Италии* (5 января 2000 года); *Шассану против Франции* (29 апреля 2000 года); *Карбонара и Вентура против Италии* (30 мая 2000 года); *Бывший Король Греции и другие против Греции* (23 ноября 2000 года).

⁹ Детальное рассмотрение прецедентного права по данному вопросу содержится ниже, в пунктах 22—50.

Но гарантии ст. 1 Протокола №1 не приводятся в действие, пока нет возможности заявить правопритязание на собственность, являющуюся предметом спора: правовой охране подлежит реально существующая собственность, а не право приобретать собственность в будущем. Из этого следует, что ожидание наследования собственности в будущем, например, не подлежит охране на основании ст. 1.

Важно помнить, что корпоративные образования могут ссылаться на ст. 1 в защиту своих прав и интересов наравне с физическими лицами¹⁰.

Три нормы. В прецедентном праве установлено, что ст. 1 Протокола №1 содержит три четких нормы. Такой анализ статьи впервые был предложен Европейским Судом по правам человека в своем решении по делу Спорронг и Лоннрот против Швеции¹¹. Это решение – одно из самых важных, которые принято Судом на основе ст. 1 Протокола №1.

Дело касалось весьма ценных видов недвижимого имущества (строения и земля) в центральной части Стокгольма в Швеции. Административный совет графства нашел, что эта недвижимость может быть востребована в виду планов городского развития и реконструкции, и возложил в отношении этой недвижимости два различных ограничения: разрешения на отчуждение, выданные муниципалитету (это означало, что в будущем собственность может быть отчуждена), и запрещения на строительство (это означало запрет на любые виды строительных работ на данном земельном участке). На одно из владений распространялось действие разрешения на отчуждение сроком в общей сложности 23 года и запрещение на строительство сроком на 25 лет. На другое владение распространялось действие разрешения на отчуждение сроком на 8 лет и запрещение на строительство сроком на 12 лет. В период действия данных ограничений, естественно, стало намного трудней продать владения. Ограничения были впоследствии сняты ввиду изменений в планах городского развития. Владельцы собственности обратились с жалобой в Европейский Суд по правам человека на нарушения своих прав, гарантированных ст. 1 Протокола №1 к Конвенции. Они не получили никакой компенсации за тот период времени, когда на их владения распространялись соответствующие ограничения.

Первый вопрос, который должен был решить Суд, имело ли место вообще вмешательство в право собственности по смыслу ст. 1. Шведское правительство утверждало, что разрешения на отчуждение и запрещения на строительство были попросту неотъемлемым компонен-

¹⁰ Это ясно из слов, использованных в первой же строчке статьи 1: «Каждое физическое или юридическое лицо имеет право...» (*курсив автора*).

¹¹ А 52 (1982).

том городского планирования и ни в коей мере не ущемляли права на беспрепятственное пользование своим имуществом. Суд, однако, сразу же отверг этот довод. Он отметил, что хотя юридически титул владельцев на их собственность (то есть право владения) оставался незатронутым, на практике возможность осуществления права собственности была существенно сужена. Суд заметил, что в силу действия разрешений на отчуждение право собственности заявителей становилось «условным и отменяемым».

Суд потому определил, что вмешательство в право собственности заявителей имело место. Затем Суд предложил свой анализ ст. 1 как образуемой тремя нормами:

«Эта статья [статья 1 Протокола №1] включает в себя три четких нормы. Первая, которая является общей по своему характеру, утверждает *принцип беспрепятственного пользования собственностью*; он выражен в первом предложении 1 абз. Вторая норма касается *лишения имущества* и оговаривает это рядом условий; она приведена во втором предложении того же абзаца. Третья норма признает, что *государства-участники имеют право контролировать использование собственности в соответствии с интересами общества*, вводя такие законы, которые они считают необходимыми для этой цели; она содержится во 2 абз. (п. 61).

Суд затем рассмотрел вопрос, применима ли в данном случае вторая норма, и постановил, что здесь не было отчуждения или лишения собственности. С точки зрения закона заявители в любой период времени были вправе пользоваться владениями, продавать их, дарить и иным образом распоряжаться. И хотя стало труднее продать владения из-за ограничительных мер, составивших предмет спора, возможность продажи у заявителей все-таки существовала. Поэтому вторая норма не могла быть применена в данном деле.

Что же касается третьей нормы, то Суд постановил, что она, безусловно, применима к запрещениям на строительство, которые связаны с контролем за использованием собственности. Разрешения на отчуждения, с другой стороны, должны рассматриваться в контексте первой нормы, поскольку они не представляли собой лишение имущества и не имели целью контролировать использование собственности.

Правовое обоснование: допустимое вмешательство в право собственности. Когда принимается решение о том, что имеет место вмешательство в право собственности в контексте одной из трех норм ст. 1 Протокола №1, вторым шагом становится решение вопроса о том, может ли такое вмешательство быть юридически обосновано государством. Если

оно может быть обоснованно (бремя доказывания в данном случае лежит на государстве), считается, что нарушения статьи 1 Протокола №1 нет.

Для того чтобы быть обоснованным, любое вмешательство в право собственности должно преследовать **законную цель в интересах общества, во всеобщих интересах**¹².

Но только того факта, что вмешательство в право собственности преследует законную цель, недостаточно. Такое вмешательство должно также быть соразмерным. В решении по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции* Суд сформулировал следующий важный принцип относительно обоснования вмешательства:

«... Суд должен определить, было ли соблюдено **справедливое равновесие** между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности... Стремление к такому равновесию присуще Конвенции в целом и отражено также в структуре ст. 1 Протокола №1.

Применив данный подход, Суд установил, что справедливое равновесие было нарушено. В другом важном решении, Суд заявил:

«Объединенные таким образом два типа мер создали ситуацию, нарушившую **справедливое равновесие**, которое должно существовать между защитой права собственности и требованиями общего интереса: собственники наследия Спорронг и иг-жа Лоннрот несли особое и чрезмерное бремя, которое могло быть законным, если бы у них была возможность добиться сокращения сроков или возмещения убытков. Однако в то время шведское законодательство исключало подобные возможности и до сих пор исключает вторую из них».

Таким образом, в соответствующих спорах необходимо устанавливать, нарушает ли то или иное вмешательство в право собственности справедливое равновесие между защитой права собственности и требованиями общего интереса. Такой баланс нарушается в тех случаях, когда владельца частной собственности вынуждают нести «особое и чрезмерное бремя»¹³. Применение этих критериев рассматривается детально ниже.

К вмешательству в право собственности применяется также требование **правовой определенности** или законности. Об этом прямо указано во втором предложении п. 1 ст. 1 Протокола №1, в котором говорится, что лишение собственности производится не иначе как «на условиях, предусмотренных законом». Но принцип правовой определенности присущ Конвенции в целом и должен соблюдаться вместе с любой из трех норм ст. 1.

¹² Решение Суда по делу *Джеймс против Соединенного Королевства*, А 98 (1986), п. 46.

¹³ Решение Суда по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции* А 52 (1982), п. 73.

Принцип правовой определенности предполагает существование и соблюдение адекватно доступных и достаточно точно сформулированных внутригосударственных нормативных актов, которые удовлетворяют существенным требованиям концепции «закона». Иными словами, фраза «на условиях, предусмотренных законом» не ограничивается внутренним законодательством как таковым. Конвенция направлена на то, чтобы внутреннее законодательство само отвечало бы существенным требованиям «закона». Это включает справедливый и надлежащий порядок, а именно, чтобы оспариваемая мера устанавливалась бы и приводилась бы в исполнение надлежащим органом власти и не была произвольной. Должны также существовать процессуальные гарантии против ненадлежащего использования полномочий государства.

Вопросы, которые надлежит поставить. Из вышеизложенного следует, что должны быть поставлены следующие, имеющие отношение к предмету спора вопросы при рассмотрении положения о том, имело ли место нарушение права собственности, гарантированное ст. 1 Протокола №1:

1) Наличествует ли в деле право собственности или право владения имуществом по смыслу ст. 1?

2) Имело ли место вмешательство в право владения имуществом?

3) В соответствии с какой из трех норм ст. 1 следует рассматривать такое вмешательство?

4) Преследует ли это вмешательство в право собственности какую-либо законную цель в интересах общества?

5) Является ли вмешательство соразмерным? Или иными словами, сохраняет ли это вмешательство справедливое равновесие между требованиями всеобщего интереса общества с требованиями защиты основных прав личности?

6) Отвечает ли вмешательство принципу правовой определенности или законности?¹⁴

Если вмешательство в право собственности имело место, такое вмешательство несовместимо со ст. 1 Протокола №1 в том случае, если ответом на любой из вопросов от (4) до (6) является «нет».

¹⁴ В решении по делу *Иатридис против Греции* (25 марта 1999 г.), Европейский Суд по правам человека подчеркнул важность этого требования и заявил, что это первый вопрос, который необходимо ставить, поскольку если вмешательство не было правомерным, оно не могло быть совместимым со ст. 1 Протокола № 1 (п. 58). Это требование, однако, в данном перечне было приведено в качестве последнего вопроса потому, что по большинству дел предполагается, что первыми ставятся вопросы

II. ОБЪЕМ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Как было указано выше, понятие «собственность» или «имущество» по смыслу ст. 1 Протокола № 1, весьма, широкое. Целый спектр **экономических интересов** попадает в сферу действия права собственности, включая движимое и недвижимое имущество, материальные и нематериальные интересы.

То, что ст. 1 применима к владению **акциями компании**, например, было признано Европейской Комиссией по правам человека в 1982 г. по жалобам № 8588/79 и 8589/79 «*Брэймлид и Мальстром против Швеции*» (1982 г.)¹⁵. Дело касалось двух лиц, которые владели акциями крупного известного универмага в Стокгольме, Швеция. В 1977 г. был принят новый закон, «Акт о компаниях», который предписывал, что любая компания, владеющая более 90% акций и голосов в другой компании, вправе принудить оставшуюся меньшую часть акционеров продать ей свои акции по той же стоимости, которая была бы уплачена в случае публичной продажи акций или по иной, устанавливаемой в арбитражном порядке, стоимости. Акционеры из числа меньшинства обратились в Комиссию с жалобой по поводу применения нового закона в их отношении. Они утверждали, что им пришлось отказаться от своих акций в пользу большинства акционеров, продав их по стоимости ниже рыночной (стоимость акций была установлена в арбитражном порядке).

Комиссия сначала рассмотрела вопрос о том, могут ли акции считаться «имуществом» по смыслу ст. 1 Протокола № 1, раскрыла понятие сути «акция»: это сертификат, удостоверяющий, что его владелец обещает долю участия в собственности компании и наделяется соответствующими правами (в особенности правом голоса). Она также предполагала косвенное правопритязание на средства компании. По данному делу не возникало сомнений в том, что акции имели экономическую ценность. Поэтому Комиссия считала, что акции являлись «имуществом» по смыслу ст. 1.

По вопросу о том, какая из трех норм ст. 1 могла быть применена в этом деле, Комиссия сочла, что применение «Акта о компаниях» в отношении акций меньшинства акционеров не подпадало под действие второй нормы, «о лишении собственности», а на том, чтобы оно считалось подпадавшим, настаивали заявители. Комиссия указала, что хотя в ст. 1

о правомерности целей вмешательства и его соразмерности.

¹⁵ См. жалобу № 12633/87 «*Смит Клайн и компания "Французские лаборатории" против Нидерландов*» (1990 г.) относительно признания того факта, что ст. 1 Протокола № 1 может применяться в отношении обладания патентом.

нет прямого упоминания «отчуждения собственности», из нее явно следует, что вторая норма имела в виду отчуждение собственности, то есть действие, коим государство приобретает – или уполномочивает третью сторону приобрести – конкретный вид собственности с какой-либо целью в интересах общества. Такое толкование было подтверждено в *travaux préparatoires* по ст. 1. Комиссия сочла, что обжалуемый закон представлял собой нечто совсем другое. Он касался отношений между частными лицами. Тем самым второе предложение не могло быть применено.

Комиссия затем отметила, что во всех государствах-участниках Конвенции законодательство, регулирующее правоотношения между частными лицами, включает нормы, которые определяют влияние этих правоотношений на собственность и, в некоторых случаях, принуждают то или иное лицо отказаться от права на имущество в пользу другого лица. Например, раздел имущества, перешедшего по наследству, в особенности собственности сельскохозяйственного назначения, раздел имущества супругов, арест и продажа имущества в ходе исполнения судебного решения. Комиссия сочла, что норма, являющаяся важной в обществе, построенном на принципах либерализма, не может считаться противоречащей ст. 1 Протокола №1. Но подчеркнула, что закон не может создать неравенство, при котором одно лицо лишается собственности в пользу другого. В приведенном случае она не усмотрела такого неравенства.

Решение по делу *«Брэймлид и Мальстром против Швеции»* было важным не только потому, что им было признано, что владение акциями подпадает под действие ст. 1 Протокола №1, но и также, что эта статья вполне может быть применена к законодательству, которое затрагивает **правоотношения между частными лицами**.

По делу *Греческие нефтеперерабатывающие заводы «Стрэн» против Греции*¹⁶, Европейский Суд по правам человека постановил, что **арбитражное решение** является «имуществом» с учетом положений ст. 1 Протокола №1. Г-н Андреадис в 1972 г. заключил контракт с государством (в то время находившимся под контролем военной диктатуры) на строительство компанией «Стрэн», которой он владел, нефтеочистительного предприятия под Афинами в Греции. Стоимость контракта должна была быть около 76 миллионов долларов. Государство ратифицировало контракт законодательным декретом, но впоследствии не выполнило свою часть обязательств по сделке. С восстановлением демократии в Греции государство посчитало контракт, противоречащим

¹⁶ А 301-В (1994 г.).

интересам национальной экономики, и расторгло его в одностороннем порядке. Компания «Стрэн» понесла большие расходы. Возник спор, и компания «Стрэн» возбудила в Афинах исковое производство против государства. Государство утверждало, что спор не был подсуден афинскому суду, и что дело подлежит рассмотрению в арбитражном порядке. Государство назначило арбитражный суд и ходатайствовало перед ним о признании всех правопритязаний компании «Стрэн» необоснованными. Но вместо этого арбитражный суд решил спор в пользу компании «Стрэн», предписав государству выплатить компании «Стрэн» 16 миллионов долларов. Затем государство обратилось в суд общей юрисдикции с ходатайством об отмене арбитражного решения на том основании, что спор не был в подсудности арбитражного суда. Государство проиграло спор в апелляционном суде. Пока дело находилось в производстве кассационного суда, государство в 1987 г. приняло новый закон, в результате которого арбитражное решение в пользу компании «Стрэн» считалось недействительным и не подлежащим исполнению. Компания «Стрэн» и г-н Андреадис обратились с жалобой в страсбургские органы, основывая свое обращение *inter alia* ст. 1 Протокола №1.

Большая часть слушаний по этому делу в Европейском Суде по правам человека касалась ст. 6 Конвенции. В отношении ст. 1 Протокола №1 государство приводило тот довод, что никакое «имущество», подпадающее под действие статьи 1, не стало объектом вмешательства. Оно утверждало, что арбитражное решение не могло быть приравнено к праву, которое могло бы быть признано таким решением. Суд заключил, что ему следует решить, следует ли из арбитражного решения возмещения ущерба в пользу компании «Стрэн», и пришел к заключению, что таковой долг вытекал из этого решения. Арбитражное решение было окончательным и обязательным, не требовало применения каких-либо дополнительных принудительных мер и не подлежало обжалованию. Поэтому у компании «Стрэн» было право собственности, подпадающее под действие ст. 1 Протокола №1 на момент принятия аннулирующего закона в 1987 г.

Дело «*Прессос Компания Навьера А.О. против Бельгии*»¹⁷ является несколько сходным – решение по нему также демонстрирует широту концепции собственности или «имущества». Это еще одно дело, касающееся правопритязания. Заявители по этому делу были судовладельцы, суда которых столкнулись в территориальных водах Бельгии. Судовладельцы считали, что столкновение результат халатности бельгийских лоцманов (за действия которых в соответствии с бельгийским законом ответственность несло государство), и возбудили исковое производство против государства. Законом от 30 августа 1988 г. бельгийс-

кое законодательное собрание устранило ответственность за причинение ущерба в случаях, аналогичных тому, что стал предметом спора.

Судовладельцы заявили жалобу в порядке ст. 1 Протокола №1, утверждая, что их право собственности было нарушено. Государство же оспаривало утверждение, что у заявителей наличествовало какое-либо правопритязание, которое может считаться «имуществом», и заявляло, что у них не было правопритязаний, имеющих преюдициальный характер, которые были установлены окончательным судебным решением.

Европейский Суд по правам человека заявил, что хотя концепция «имущества» имеет автономное значение¹⁸, Суд может изучить вопрос с точки зрения внутреннего (бельгийского) права. Он заметил, что в соответствии с бельгийским законодательством требования о возмещении ущерба, причиненного в результате деликта, возникает одновременно с причинением ущерба. Такое **требование образует «актив»** и потому может считаться «имуществом» в смысле ст. 1 Протокола №1. К тому же, основываясь на судебных решениях, вынесенных до принятия Закона 1988 г., заявители могли правомерно ожидать, что их требования будут определены в соответствии с общими нормами деликтного права.

Закон 1988 г. был признан формой вмешательства в право собственности, поскольку он не давал заявителям возможности пользоваться правами, которыми они были наделены до принятия этого закона.

Другое дело, иллюстрирующее широту действия ст. 1 Протокола №1, является дело *Компания «Пайн Велли девелопментс Лтд.» против Ирландии*¹⁹, по которому Европейский Суд по правам человека постановил, что ст. 1 может защищать **правомерное ожидание** наступления определенных обстоятельств. Заявитель приобрел земельный участок в 1978 г., полагаясь на существующее пожалование разрешения на план-проспект промышленной застройки. Впоследствии, в 1982 г., Верховный Суд Ирландии постановил, что первоначальное разрешение на план-проспект промышленной застройки было *ultra vires* и представляло собой ничтожное действие *ab initio*, поскольку противоречило соответствующему законодательству. Заявитель утверждал, что решение Верховного Суда вступило в противоречие с его правом собственности, гарантированным ст. 1 Протокола №1.

Суд, прежде всего, задался вопросом, располагал ли вообще заяви-

¹⁷ А 332 (1995 г.).

¹⁸ То есть оно не зависит от того, как внутреннее право соответствующего государства определяет, что может считаться правом собственности или правом пользоваться «имуществом».

¹⁹ А 222 (1991 г.).

тель каким-либо правом на застройку земли, которое могло бы стать объектом вмешательства по смыслу ст. 1, с учетом решения Верховного Суда, которое означало, что, с точки зрения ирландского права, у него такового права не было. Суд постановил, что таким правом он располагал, потому что, когда он приобретал землю имел разрешение, надлежащим образом зарегистрированное в государственном реестре, которое он был вправе считать действительным. Суд указал, что при таких обстоятельствах было бы «ненадлежащим формализмом» полагать, что решение Верховного Суда не образовывало вмешательства в право собственности заявителя.²⁰ До принятия этого решения заявитель мог правомерно ожидать, что он мог осуществить предлагаемую застройку, это ожидание должно считаться компонентом собственности для целей применения ст. 1 Протокола №1, то есть земля является объектом рассматриваемого спора.

В решении по делу *Ван Марле против Нидерландов*²¹, Европейский Суд по правам человека должен был установить, может ли клиентура компании, оказывающей услуги в сфере своей профессиональной деятельности, быть объектом защиты ст. 1 Протокола №1.

Заявители на протяжении нескольких лет оказывали бухгалтерские услуги, пока в 1972 г. не был принят новый закон, который установил требование, в соответствии с которым им для того, чтобы продолжать свою деятельность, необходимо было зарегистрироваться в Совете по выдаче разрешений. Они подали заявление о регистрации, в которой им было отказано в 1977 г. После собеседования в Совете по апелляциям, куда они подали жалобу на отказ, в рассмотрении жалобы было отказано. Совет посчитал, что их ответы на вопросы во время собеседования были неудовлетворительны и что они не продемонстрировали достаточной профессиональной компетентности. Заявители утверждали, что решение Совета противоречит ст. 1 Протокола №1, поскольку в результате его принятия их доходы от бухгалтерской деятельности и стоимость деловой репутации снизились. Они заявляли, что решение Совета представляло собой вмешательство в право беспрепятственно пользоваться своим имуществом и что они были частично лишены своего имущества без возмещения.

Государство утверждало, что у заявителей не было «имущества» в значении ст. 1, но Суд не согласился с этим. Он постановил, что право, из наличия которого они исходили, «может быть уподоблено праву собственности», в контексте ст. 1. Посредством собственного труда зая-

²⁰ Пункт 51 решения.

²¹ А 101 (1986 г.).

вители создали клиентуру, которая составляет актив, а тем самым и «имущество».

Далее, отказ в регистрации заявителей радикальным образом повлиял на условия их профессиональной деятельности, и сфера этой деятельности сузилась. Их доходы упали, сократилось число клиентов, и, в целом, дело пришло в упадок. Следовательно, вмешательство в их право беспрепятственно пользоваться своим имуществом имело место.

Решение Суда по делу *Тре Тракторер АБ против Швеции* А 159 (1989)²² является другим примером применения ст. 1 Протокола №1 в отношении экономических интересов, связанных с ведением предпринимательской деятельности.

Заявителем по делу выступила шведская компания с ограниченной ответственностью. В 1980 г. она приобрела права управления рестораном «Ле Кардинал». До того у ресторана имелась выданная ему лицензия на обслуживание алкогольными напитками. Возникли сомнения по поводу налоговых дел дамы, стоявшей за компанией-заявительницей, и, вообще, способности этой дамы управлять рестораном. В июле 1983 г., Административный Совет графства принял решение отозвать лицензию, вступившее в силу немедленно после принятия. Компания указала, что, в результате, ресторан пришлось закрыть прямо на следующий день (хотя этот факт оспаривался представителем государства). Апелляция в следующую административную инстанцию была отклонена, равно как и исковое требование к Правительству о возмещении ущерба, причиненного отзывом лицензии.

Заявители обратились с жалобой в Европейский Суд по правам человека, ссылаясь на ст. 6 и на ст. 1 Протокола №1 Конвенции. Что касается последнего, государство утверждало, что лицензия на обслуживание алкогольными напитками не могла представлять собой «имущество». Но Суд, как и Комиссия, счел, что **«экономические интересы, связанные с содержанием ресторана являлись «имуществом»**. Обладание лицензией было одним из главных условий ведения бизнеса заявителем, и ее отзыв отрицательно сказался на деловой репутации и стоимости ресторана. Такой отзыв представляет собой вмешательство в право беспрепятственно пользоваться своим имуществом.

Суд заявил, что вмешательство в право собственности в данном случае, каким суровым оно ни было бы, не попадало в сферу действия ч. 1 ст. 1 Протокола №1. Компания-заявитель, хотя она больше не могла эксплуатировать «Ле Кардинал» как ресторан, тем не менее, сохра-

²² А 101 (1986 г.).

няла некоторые экономические интересы, выразившиеся в том, что она могла сдавать помещения и содержащиеся в них материальные ценности в аренду, каковые она, в конце концов, продала в 1984 г. Поэтому не было лишения собственности в значении второй нормы. Отзыв лицензии был поэтому мерой контроля над использованием собственности, укладываемой в рамки п. 2 ст. 1.

Такой же подход к интересам предпринимательства как к «имуществу» был взят на вооружение Судом в решении по недавно рассмотренному делу *Иатридис против Греции* (25 марта 1999 г.). По данному делу г-н К.Н. получил в наследство недвижимость в Греции, на участке которой он решил построить кинотеатр под открытым небом (получив на то от властей необходимое разрешение). Впоследствии возник спор относительно права собственности на землю, на которой был построен кинотеатр, и государство заявило свое требование на него. Несмотря на это, в 1976 г. государство также потребовало от наследников К.Н. уплаты налога на наследство. Спор о праве владения землей продолжался, и в 1978 г. наследники К.Н. сдали кинотеатр в аренду заявителю, который реставрировал его. В 1989 г. власти распорядились выдворить заявителя из владения. Соответствующий ордер был исполнен в принудительном порядке, и кинотеатр был передан местному городскому совету.

По вопросу о том, владел ли заявитель каким-либо «имуществом» в значении ст. 1 Протокола №1, Суд подтвердил, что концепция «имущества», не замыкается на владении вещественными объектами; определенные права и интересы, образующие активы, также могут считаться «имущественными правами», а значит, и «имуществом» в значении ст. 1 Протокола №1²³.

Суд ясно дал понять, что он не может разрешить спор относительно того, кто владеет землей, на основе внутреннего права, но отметил, что до того, как заявитель был выдворен из владения, он был ответственен за эксплуатацию кинотеатра в соответствии с договором аренды, который был официально действителен, без какого-либо вмешательства со стороны властей; в результате таковой деятельности заявитель создал клиентуру, которая образует актив.

Суд затем использовал три нормы ст. 1. Заявитель арендовал помещение, не было ни отчуждения имущества, ни случая осуществления контроля за использованием собственности, но имело место вмешательство в право собственности.

²³ Пункт 54 решения.

В решении по делу *Меллахер против Австрии*²⁴, Суд должен был ответить на вопрос о наличии вмешательства в право домовладельца на получение арендной платы, оговоренной в контракте²⁵.

Заявители на правах совместной собственности имели большой дом в городе Граце (Австрия) квартиры в котором сдавались жильцам. Система контроля арендной платы за жилье существовала в Австрии со времен Первой мировой войны. Но эта система не распространялась на дома, построенные после 1917 г., или на квартиры некоторых категорий. После острых дебатов в 1981 г. был принят новый Закон об арендной плате, внесший повсеместные изменения в систему оплаты жилья. На заявителей Закон отразился таким образом, что были резко снижена арендная плата за жилье по сравнению с той, которую они должны были получать по заключенным на тот момент договорам об аренде жилья. Они подали жалобу на то, что законодательство нарушило их свободу контракта и право на получение арендной платы в будущем. Существовавшие ставки арендной платы были согласованы в договорах в соответствии со старым законодательством.

В Суде не оспаривалось то, что снижение арендной платы за жилье, осуществленное на основании Закона 1981 г., образовывало вмешательство в право собственности заявителей как владельцев дома. Заявители утверждали, что произошедшее было *de facto* отчуждение их собственности (дома) и лишены своего оговоренного в контракте права на получение арендной платы. Суд решил, что в данном случае не было *de facto* отчуждения собственности, так как не было передачи собственности заявителей, они не были лишены права пользования ей (сдавать внаем или продавать). В результате принятия Закона 1981 г., как это признавалось в Суде, они были лишены части своего дохода от собственности. При данных обстоятельствах дела это могло считаться контролем за использованием собственности.

Право на получение пенсии также потенциально может стать объектом защиты по статье 1 Протокола № 1. Этот вопрос был предметом рассмотрения в одном из ранних решений Европейской Комиссии по правам человека по заявлению № 5849/72 *Мюллер против Австрии* (1975 год). Долгие годы г-н Мюллер работал слесарем в Австрии и Люксембурге, делая добровольные и обязательные взносы в одну из государственных программ пенсионного обеспечения по старости. В результате действия дого-

²⁴ А 169 (1989 г.).

²⁵ См. также: заявление № 10741/84 *S против Соединенного Королевства* (1984 г.), при рассмотрении которого Комиссия сочла, что ст. 1 Протокола № 1 применима к выгоде, проистекающей из договора с ограничительными условиями и права на получение ежегодной арендной платы.

вора, заключенного между Австрией и Люксембургом, часть его взносов больше не стала учитываться в счет будущей основной пенсии, а только в счет дополнительной пенсии. Это означало, что когда в 1970 году подошло время выхода г-на Мюллера на пенсию, он не получил пенсии в том размере, в каком он рассчитывал. Он утверждал, что исполнение договора в отношении его случая было связано с нарушением его права собственности, гарантированного статьей 1 Протокола №1.

При рассмотрении его доводов Европейская Комиссия по правам человека четко указала, что право на пенсию по старости не включено в число прав, предусмотренных Конвенцией. Но Комиссия решила, что выплата обязательных взносов в пенсионный фонд может создать право собственности, гарантируемое ст. 1 Протокола №1.

В результате, Комиссия отклонила правопритязания г-на Мюллера на том основании, что ст. 1, хотя и могла бы гарантировать право человека на извлечение выгоды, ее нельзя толковать как предоставляющую этому человеку право требовать конкретную сумму. Но решение это важно, т.к. показывает, что пенсионные права, основанные на взносах лица в пенсионный фонд, могут подлежать защите ст. 1. Это конечно не означает, что ст. 1 Протокола №1 гарантирует право на пенсию или социальное страхование в тех случаях, когда внутреннее законодательство не содержит оснований для такого рода выплат.

«Автономное» значение понятия «имущество»

Важно учитывать, что для приведения в действие ст. 1 Протокола №1 совсем необязательно, чтобы соответствующий интерес личности признавался бы правом собственности по внутреннему законодательству той или иной страны – понятие «имущество» имеет автономное значение для целей Конвенции.

Хорошим примером является решение Суда по делу *Тре Тракторер АБ против Швеции*²⁶, в котором Суд признал, что устоявшиеся экономические интересы, связанные с ведением какой-либо предпринимательской деятельности, могут подпадать под действие ст. 1 Протокола №1.

Но для того, чтобы требовать применения по своему делу гарантий ст. 1, лицо должно располагать неким правом по внутреннему законодательству, которое может быть сочтено правом собственности с точки зрения Конвенции. Это иллюстрируется решением Европейской Комиссии по правам человека по заявлению №11716/85 *С. против Соединенного Королевства* (1986 г.), в котором Комиссия установила, что

²⁶ А 159 (1989 г.).

понятие собственности без надлежащего законного права не подлежит защите по ст. 1 Протокола №1.

По данному делу женщина долгие годы жила как «муж с женой» с другой женщиной. Та другая женщина была нанимателем жилья у местной власти, но у заявительницы не было юридического права имущественного найма. Когда ее сожительница – наниматель имущества – скончалась, заявительница обратилась в английский суд с иском о признании за ней как за сожительницей умершей права имущественного найма. Но английский суд постановил, что закон не разрешает этого: только переживший супруг гетеросексуальной супружеской пары может претендовать на передачу права имущественного найма.

В производстве перед Европейской Комиссией по правам человека заявительница основывала свои требования преимущественно ст. 8, но ссылалась также и на ст. 1 Протокола №1. Комиссия отказала в этом требовании сразу же. Она указала, что у заявительницы не имелось права, вытекающего из условий контракта, и тот факт, что она проживала в доме, не означало, что она владела каким-либо «имуществом» в значении ст. 1 Протокола №1.

Отсутствие гарантий права на приобретение собственности в будущем. Защита ст. 1 Протокола №1 распространяется только на те случаи, когда возможно предъявить требования в отношении соответствующей собственности. Статья 1 не охраняет право приобретать собственность.

Этот принцип может быть проиллюстрирован решением Суда по делу *Маркс против Бельгии*²⁷. По этому делу заявительница и ее малолетняя дочь жаловались на то обстоятельство, что определенные аспекты законов Бельгии, регулирующих статус внебрачных детей, включая то обстоятельство, что материнство устанавливается лишь официальным актом признания материнства, и наличие ограничений на право матери на распорядиться своим имуществом в пользу дочери, равно как и ограничения на право ребенка, рожденного вне брака,

²⁷ А 31 (1979). Сравните с решением Суда по делу *Инце против Австрии* А 126 (1987 г.). По этому делу заявитель, внебрачный ребенок, жаловался на то, что ему не было разрешено вступить во владение фермой, принадлежавшей его матери (как старшему сыну), как он вступил бы, будь он рожден в браке. Он утверждал, что имело место нарушение ст. 1 Протокола № 1, увязанной в ее прочтении со ст. 14 Конвенции. Государство ссылалось на решение Суда по делу *Маркса*, утверждая, что ст. 1 Протокола № 1 вообще не имеет отношения к данному спору. Но Суд отверг этот довод. Он провел различие между делом *Маркса* и данным делом ввиду того обстоятельства, что если дело *Маркса* касалось потенциального права наследования, то в данном деле заявитель фактически уже унаследовал долю фермы, и в его заявлении обжаловалось то, что ему запретили наследовать в таком объеме, в каком ему надлежало бы наследовать, будь он ребенком, рожденным в законном браке.

наследовать имущество, образуют вмешательство в их право собственности, воспрещаемое ст. 1 Протокола №1 (в сочетании со ст. 14²⁸). (Были заявлены и иные требования, в частности на основе ст. 8²⁹).

Европейский Суд по правам человека постановил, что ст. 1 Протокола № 1 вообще не применяется к дочери, отметив, что эта статья просто провозглашает право любого лица беспрепятственно пользоваться «своим» имуществом, и что, следовательно, она применима только в отношении уже существующего имущества лица и не гарантирует право на приобретение имущества путем наследования по закону или прижизненного распоряжения.

Такой же принцип был применен при принятии решения по заявлению №8410/78 *X. против Федеративной Республики Германии* (1979 г.).

По этому делу заявитель был нотариусом, работавшим в Германии. Он обжаловал то обстоятельство, что германское законодательство возлагало на него обязанность снижать ставку оплаты своих услуг при составлении нотариальных документов для некоторых категорий клиентов, таких как университеты, церкви и иные некоммерческие организации. Сумма скидки достигала 80% от ставок оплаты услуг, которые он был вправе назначать в соответствии с ранее действовавшими нормативными актами. Он заявил требование со ссылкой *inter alia* на ст. 1 Протокола №1.

Европейская Комиссия по правам человека отказала в жалобе, заявив, что требование нотариуса касательно ставок оплаты услуг могло бы считаться имуществом только в том случае, если таковое требование возникло в связи с конкретным вопросом, на основании услуг, реально предоставленных, и на основе существующих нормативных актов, регламентирующих ставки нотариусов. Простое ожидание того, что нормативные акты, регламентирующие ставки нотариусов, не изменятся, не может считаться правом собственности.

Собственность юридических лиц Действие ст. 1 распространяется как на «каждое физическое», так и «юридическое лицо».

Из этого следует, что компании могут предъявлять свои требования в связи с вмешательством в их право собственности. Но акционеры не вправе по общему правилу предъявлять требований связанных с ущербом, причиненном компании. «Нарушение целостности корпоративного одеяния» может быть допущено только в исключительных случаях, например, когда компания не в состоянии заявить требования через свои органы или ликвидаторов.

²⁸ Статья 14 Конвенции запрещает дискриминацию в отношении пользования правами и свободами, гарантированными Конвенцией.

²⁹ Статья 8 Конвенции защищает право на уважение личной и семейной жизни.

Так, Суд по делу *Азротексим против Греции*³⁰ Заявителями выступили компании, владевшие акциями пивоваренного предприятия в Афинах. Это предприятие с целью решения определенных финансовых проблем наметило застроить для эксплуатации две свои территории. Но Совет Афин решил принять меры, нацеленные на отчуждение земли. Затем пивоваренное предприятие начало ликвидироваться, и были назначены ликвидаторы. Акционеры-заявители обратились в Европейскую Комиссию по правам человека с жалобой на то, что меры по отчуждению предпринимались в нарушение ст. 1 Протокола №1.

Государство в предварительном порядке заняло позицию, состоявшую в том, что заявители как акционеры не были жертвами какого-либо нарушения права собственности компании. Комиссия постановила, что они могли быть жертвами, принимая во внимание в частности тот факт, что вмешательство в права пивоваренного предприятия связано со снижением стоимости его акций, следовательно и стоимости совокупного участия акционеров. Но Суд не согласился с этим. Он высказался против, что акционер вообще может предъявлять требования в связи с нарушениями прав собственности компании, указав на тот факт, что разногласия между акционерами и правлением компании или между самими акционерами – явление частое. Ввиду противоречия интересов достаточно трудно определить, кто имеет право на требование. В такой ситуации существуют проблемы и в решении вопроса об исчерпанности внутригосударственных средств правовой защиты³¹, поскольку в государствах-участниках Конвенции акционеры обычно не располагают правом предъявлять исковые требования в отношении нарушений прав компании.

Суд постановил, что «нарушение целостности корпоративного одеяния» – или игнорирование статуса компании как юридического лица – юридически оправдывается только в исключительных обстоятельствах, в частности, когда четко установлено, что компания не может заявить правопритязания через органы, учрежденные на основании устава корпорации, или – в случае ликвидации компании – через ее ликвидаторов. По данному делу не существовало юридических препятствий для заявления требований, и никто не предъявлял к ним претензий по части ненадлежащего исполнения ими своих функций. Требования заявителей, основанные на такой предварительной позиции, были отклонены³².

³⁰ А 330-А (1995 г.).

³¹ Статья 35 Конвенции устанавливает требование о том, что для принятия заявления к рассмотрению Европейским Судом по правам человека, необходимо, чтобы заявитель исчерпал все внутригосударственные средства правовой защиты.

III. ТРИ НОРМЫ

Как уже отмечалось Европейский Суд по правам человека подошел к анализу ст. 1 Протокола №1 как содержащей три четких нормы. Такого рода подход впервые был предложен в решении Суда по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции*³³ и был неоднократно подтвержден в последующих решениях Суда. Этими нормами являются:

- (1) принцип беспрепятственного пользования своим имуществом;
- (2) лишение имущества;
- (3) контроля за использованием собственности.

Рассмотрим сначала вторую и третью нормы, а затем первую.

Вторая норма. *Для того, чтобы решить, имело ли место лишение собственности необходимо не только исследовать, имело ли место отчуждение по формальным признакам или передача собственности*³⁴, но также и реальные обстоятельства с тем, чтобы определить, имело ли место изъятие собственности *de facto*.

О необходимости такой оценки было четко заявлено в решении Суда по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции*³⁵, которое касалось издания разрешений на отчуждение и запрещений на строительство на участках земли в Стокгольме, Швеции³⁶; Суд в решении заметил: «Поскольку реального отчуждения, то есть передачи собственности, не было, Суд считает, что он должен рассмотреть конкретные обстоятельства обжалуемой ситуации... Поскольку Конвенция имеет своей целью гарантировать права, которые являются «реальными и эффективными»... следует установить, действительно ли ситуация была равносильна отчуждению *de facto*, как утверждали заявители»³⁷.

³² Решение Суда по делу *Азротексим против Греции* отличается от решений Комиссии, принятых ранее, в той части, что касается возможности признания акционера, владеющего существенным большинством акций, жертвой ущерба, причиненного компании, в контексте ст. 1 Протокола № 1. См. заявление № 9266/81 *Ярроу против Соединенного Королевства* (1983 г.).

³³ А 52 (1982 г.).

³⁴ Для примера формальной передачи владения в нарушение второй нормы ст. 1 Протокола №1, см. решение Европейского Суда по правам человека по делу *Бывший Король Греции и другие против Греции* от 23 ноября 2000 г.

³⁵ А 52 (1982 г.).

³⁶ В решении по этому делу, Суд отверг тот аргумент, что вторая норма ст. 1 Протокола № 1 применима, поскольку не было юридического лишения собственности и отчуждения *de facto*, по той причине, что заявители реально сумели продать свою собственность, хотя это было труднее сделать ввиду обжалованных в Суд мер.

Этот подход к вопросу о том, что образует изъятие собственности, совпадает с подходом, принятым в общем международном праве, состоящим в том, что «...меры, предпринимаемые государством, могут представлять собой вмешательство в права собственности в такой степени, в какой эти права становятся настолько бесполезными, что они должны считаться отчужденными, хотя государство даже не намеревается отчуждать их, и правовой титул на собственность формально сохраняется за первоначальным владельцем»³⁸.

Показательным примером ограничительных мер, образующих отчуждение собственности *de facto*, являются обстоятельства дела *Панамихалопулос против Греции*³⁹. Заявители были владельцами ценной земли на большой площади в Греции. Земля включала пляжный участок, и в 1963 г. заявители получили от греческого ведомства по делам туризма разрешение на строительство гостиничного комплекса на территории этого участка. Но затем контроль над Грецией перешел к военной диктатуре, и в августе 1967 г. земля заявителей (включая пляжный участок) была передана Военно-морским силам. Неудивительно, что заявители пытались вернуть землю, но их попытки были безуспешными. Военно-морские силы построили на земле военно-морскую базу и курорт для отдыха морских офицеров.

Несмотря на ряд судебных акций заявителей и некоторые изъятия государства по поводу того, что заявителям надлежит получить другую землю в порядке замены, к началу 1990-х г. никакого удовлетворения своих правоприязаний заявители не получили, и тогда обратились в Комиссию в Страсбурге.

Когда дело было начато слушанием в Европейском Суде по правам человека, Суд прежде всего отметил, что вмешательство в право собственности следует считать длящимся нарушением, продолжающимся с 1967 г. Суд заметил, что вмешательство в данном случае было совершено не с целью осуществления контроля за использованием собственности, и потому третья норма ст. 1 не применима. Что же касается второй нормы, то землю никогда формально не отчуждали в том смысле, что титул на нее передан не был. Но поскольку Конвенцию создавали с целью оградить права, которые являются «реальными и эффективны-

³⁷ См. также решения Суда по делам *Джеймс против Соединенного Королевства* А 98 (1986 г.), п. 38 и *Хентрих против Франции* А 296-А (1994).

³⁸ *Дело, касающееся компании «Старретт Хаузинг корпорейшн» и Правительства Исламской республики Иран*; промежуточное решение Суда по рассмотрению споров Ирана и Соединенных Штатов от декабря 1983 г.

³⁹ А 260-В (1993 г.).

ми», следовало установить, действительно ли обжалуемая ситуация, тем не менее, была равносильна отчуждению *de facto*.

Суд отметил, что Фонд Военно-морских сил действительно физически отобрал у заявителей их собственность и вел строительство на этой земле. С тех пор заявители не могли ни пользоваться своей собственностью, ни продать ее, ни завещать, ни заложить или подарить. Суд постановил, что полная утрата возможности распоряжаться землей в совокупности с неудачей предпринятых попыток исправить ситуацию повлекли за собой достаточно серьезные последствия для заявителей, подвергшихся экспроприации *de facto*⁴⁰.

Этот принцип был применен и в решении по делу *Брумареску против Румынии*⁴¹, в котором Европейский Суд по правам человека вновь подтвердил, что при установлении факта наличия лишения имущества в значении второй нормы, необходимо исследовать реальные обстоятельства обжалуемой ситуации.

По этому делу родители заявителя построили дом в Бухаресте в 1939 г. В 1950 г. дом был национализирован на основе законодательного декрета. В 1974 году дом был продан государством двум братьям, которые до того жили в одной из квартир дома как наниматели. В 1993 г. заявитель возбудил исковое производство в румынском суде с целью добиться признания национализации недействительной, поскольку на его родителей распространялось исключение из правил декрета ввиду того, что они были безработными. Суд первой инстанции согласился с этими доводами и отдал распоряжение административным властям передать дом заявителю. Заявитель перебрался жить в дом и уплатил полагающийся земельный налог.

Но Генеральный прокурор, выступая от имени братьев, которым ранее была передана собственность, представил от их имени заявление в Верховный Суд. Верховный Суд отменил решение суда первой инстанции и постановил, что заявитель не имел права на дом и что он должен быть возвращен братьям.

Европейский Суд по правам человека, прежде всего, указал, что у заявителя было имущество в форме решения суда первой инстанции о том, что национализация собственности не была правомерной, уста-

⁴⁰ Интересен тот факт, что, установив отчуждение *de facto*, Суд не стал вдаваться в вопрос, преследовало ли отчуждение законную цель, и было ли оно соразмерным. Суд просто заявил, что отчуждение *de facto* было «несовместимым с правом заявителей беспрепятственно пользоваться своим имуществом», предположительно из-за того, что им не была выплачена компенсация или не было иной защиты своего права.

⁴¹ 28 октября 1999 г.; п. 76 решения.

новил, что решение Верховного Суда представляло собой вмешательство в право, признанное тем решением суда первой инстанции.

Затем суд применил принцип, в соответствии с которым необходимо проверить, действительно ли заявитель был лишен своего имущества, и постановил, что был, то есть применил вторую норму. Суд заметил, что заявитель не мог более пользоваться домом⁴².

Таким образом, имеет ли место отчуждение *de facto*, в отсутствие формальной передачи права собственности, остается вопросом совокупности различных фактов и степени реализации обжалуемых действий.

Третья норма применяется, когда вмешательство в право собственности является умышленным или выступает частью законодательной схемы, цель которой – контроль за использованием собственности.

Примеры применения третьей нормы упоминались выше. К ним относятся решения по делам *Спорронг и Лоннрот против Швеции*⁴³ (относительно запрещения строительства на земельном участке), *Компания «Пайн Велли девелопментс Лтд.» против Ирландии*⁴⁴ (относительно контроля за планированием застройки земли) и *Меллахер против Австрии*⁴⁵ (относительно контроля за арендуемой собственностью)⁴⁶. Примеры применения этой нормы будут приведены, в разделе, посвященном вопросу юридического обоснования вмешательства в право собственности.

Меры обеспечения уплаты налогов или иных взносов либо штрафов также попадают в контекст п. 2 ст. 1 Протокола №1. Примером является решение Суда по делу *Газус Досьер унд Фордетекник ГмбХ против Нидерландов*⁴⁷.

⁴² Что касается вопроса, могло ли быть юридически оправданно вмешательство в право собственности, Суд заметил, что государство не выдвинуло никаких оправданий своих действий интересами общества. Он также отметил, что заявитель был лишен своего дома в течение 4 лет без какого-либо возмещения, отражающего реальную рыночную стоимость собственности. Интересно, что Суд по данному делу обозначил имуществом заявителя решение румынского суда первой инстанции, а не указав, что заявителю принадлежит право на дом, обозначив статус самого дома как имущество. Возможно такой подход объясним тем, что Суд не пожелал входить в подробности оснований решения Верховного Суда Румынии.

⁴³ А 52 (1982 г.).

⁴⁴ А 222 (1991 г.).

⁴⁵ А 169 (1989 г.).

⁴⁶ К другим примерам относятся решения Суда по делам: *АГОСИ против Соединенное Королевства* А 108 (1986 г.) (контроль за нелегальным ввозом золотых монет); *Эр Канада против Соединенного Королевства* А 316-А (1995 г.) (противозаконный ввоз наркотиков); *Инце против Австрии* А 126 (1987 г.); *Фредин против Швеции* А 192 (1991 г.); *Вендителли против Италии* А 293-А (1994 г.); *Спадеа и Скалабрино против Италии* А 315-В (1995 г.); *Сколло против Италии* А 315-С (1995 г.) (контроль за жильем).

Германская компания поставляла товары голландской компании на условии, что она сохраняла за собой титул на товары до поступления платежа. До того, как платеж поступил поставщику, товары были арестованы голландскими налоговыми властями в уплату задолженности по налогам, числившейся за голландским получателем товаров. Германский поставщик утверждал, что арест товаров голландскими властями представлял собой нарушение права собственности по ст. 1 Протокола №1. Европейский Суд по правам человека постановил, что данное дело относится к категории, рассматриваемой в контексте третьей нормы ст. 1, на том основании, что арест товаров является частью системы мер государства по обеспечению сбора налогов.

Первая норма ст. 1 Протокола №1 может быть названа «всеохватывающей», как применимая там, где не могут быть применены две другие нормы. Она применяется в тех случаях, когда предпринимаемая государством мера приводит к вмешательству в пользование имуществом, но не является по своей природе изъятием имуществом и не нацелена на установление контроля за использованием собственности.

Первая норма, как постановил Суд, применяется в отношении решений на отчуждение, которые были выданы в отношении собственности заявителей по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции*⁴⁷. Другим примером является применение первой нормы в решении по делу *Греческие нефтеперерабатывающие заводы «Стрэн» против Греции*⁴⁸, в котором в результате принятого законодательства арбитражное решение, вынесенное в пользу заявителя, было признано недействительным и не подлежащим исполнению, и это законодательство проверялось с точки зрения первой нормы ст. 1.

При рассмотрении вопроса, имело ли место нарушение ст. 1 Протокола №1, прежде всего необходимо установить, имеется ли у заявителя право собственности или имущество в значении ст. 1. Далее не-

⁴⁷ А 306-В (1995 год), п. 59. К другим примерам относятся: заявление № 11036/84 *Шведская группа менеджмента против Швеции* (1985 год); заявление № 13013/87 *Васа Лив Омсесидигт против Швеции* (1988) на стр. 185-187; решение Суда по делу *Нешнл энд Провиншиел Билдинг Сосайети и другие против Соединенного Королевства* 1997-VII (1997), п. 79.

⁴⁸ А 52 (1982 г.).

⁴⁹ А 301-В (1994 г.), п. 68. См. также решение Суда по делу *Эркнер и Хофауэр против Австрии* А 117 (1987 г.), п. 74 и заявление № 7456/76 *Уиггинс против Соединенного Королевства* (1978 г.), стр. 46-467.

Заявление № 7889/77 *Арронделле против Соединенного Королевства* 19 DR 186 (1980), EComHR.

обходимо исследовать, имело ли место вмешательство в право такой собственности, и затем определить природу вмешательства (то есть решить вопрос, какая из трех норм в данном случае применима).

Но следует помнить, что Европейский Суд по правам человека неоднократно подчеркивал, что данные три нормы взаимосвязаны: вторая и третья нормы относятся к частным формам вмешательства в право беспрепятственного пользования имуществом и должны толковаться в свете общего принципа, содержащегося в первой норме.

IV. ОБОСНОВАНИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ

Интересы общества или общие интересы

Как было сказано выше, любое вмешательство в право собственности может быть оправданно только тогда, когда оно осуществляется в интересах общества или в общих интересах. Требование о том, что какое-либо изъятие (или лишение собственности) должно осуществляться в интересах «общества», прямо упомянуто во второй норме ст. 1 Протокола №1. Третья норма также упоминает «общие» интересы. Но любая форма вмешательства в право собственности, вне зависимости от того, какая норма распространяется на нее, должна отвечать требованию о наличии законной цели – интересов общества (или общих интересов).

Одно из ранее рассмотренных Судом дел, по которому изучался вопрос о применимости этого требования, было дело *Джеймс против Соединенного Королевства*⁵⁰. Заявители по данному делу были попечителями владения Герцога Вестминстерского, которое включало 2000 домов в весьма престижном районе Лондона. Заявители жаловались на то, что владение потеряло весьма крупную сумму денег в результате применения закона, а именно Акта 1967 г. о реформе системы владения на правах аренды, который предоставил арендаторам жилья по долгосрочным контрактам (нанимателям) право выкупать право собственности на недвижимость по ценам ниже рыночных. Акт 1967 г. распространялся только на арендаторов жилья по долгосрочным контрактам, то есть на договоры об аренде жилья на

⁵⁰ А 98 (1986), п. 46 решения.

срок 21 год и дольше, а также владения на правах аренды, право на которые предоставлялись по низким ставкам арендной платы. В результате того, что попечители владения Герцога Вестминстерского были вынуждены продать право на владение около 80 арендаторам в Лондоне, которые прибегли к своему праву покупки или «преобразования права аренды», по ставкам, предусмотренным Актом 1967 г., владение потеряло 2 с лишним миллиона фунта стерлингов на разнице с рыночной стоимостью аренды такого рода жилья.

При изучении жалобы в контексте ст. 1 Протокола №1, Европейский Суд по правам человека сначала обратился к анализу статьи, основанному на концепции трех норм, предложенному в решении по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции*⁵¹. Суд счел, что заявители были лишены своей собственности в значении второй нормы (хотя в данном случае собственность была передана не государству, а другим частным лицам).

По вопросу о том, могло ли изъятие собственности считаться обоснованным государством, заявители утверждали, что соответствующее законодательство не могло быть принято в интересах общества, поскольку изъятая имущественная масса не была отчуждена в интересах общества в целом. Заявители настаивали на том, что передача собственности от одного лица другому не могла считаться в принципе произведенной «в интересах общества». Но Суд не согласился с таким доводом и постановил, что принудительная передача собственности от одного частного лица другому может отвечать законной цели в интересах общества.

Суд добавил при этом, что к изъятию собственности во исполнение политики, направленной на укрепление социальной справедливости в обществе, можно на полных основаниях относиться как к осуществляемой в интересах общества. Решая вопрос таким образом, Суд признал, что он не следует подходу, принятому во внутреннем законодательстве ряда государств-участников Конвенции в отношении отчуждения собственности.

Суд затем сделал важное заявление о принципе «рамки усмотрения» государства⁵². Это заявление и по сей день образует основу, наряду с *dicta* решения по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции*⁵³, для определения, того что образует обоснованное вмешательство в право собственности:

«Национальные власти – ввиду своего прямого знания условий

⁵¹ А 52 (1982 год); см. выше, пункты 9—13

жизни общества и его потребностей – в принципе имеют больше преимуществ, чем международный судья, в оценке того, что есть «в интересах общества». В соответствии с системой охраны прав человека, созданной Конвенцией, таким образом, именно национальные власти должны первоначально оценить, имеется ли проблема, вызывающая озабоченность общества и требующая принятия мер, направленных на лишение собственности и установления порядка судебной защиты... Здесь, как и в других сферах, на которые распространяются гарантии Конвенции, национальные власти соответственно могут действовать в рамках своего усмотрения.

Более того, понятие «интересов общества» неизбежно широко. В частности, как заметила Комиссия, решение о приведении в действие законов, отчуждающих собственность, всегда принимается с учетом политических, экономических и социальных вопросов, мнения по которым в демократическом обществе могут различаться. И хотя Суд не может заменить собственную оценку оценкой национальных властей, он обязан проверить оспариваемые меры на предмет соответствия ст. 1 Протокола №1 и, осуществляя таковую проверку, провести исследование фактических обстоятельств, со ссылкой на которые действовали национальные власти.

Суд признал Акт 1967 г. о реформе системы владения на правах аренды достижение большей социальной справедливости в сфере распределения – законной целью, достижение которой было в интересах общества.

Затем Суд сослался на требование соразмерности, процитировав решение по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции*⁵⁴ и стандарт проверки надлежащего равновесия между требованиями общих интересов общества и требованиями защиты основных прав личности. Заявители учитывали, что другие государства участники Конвенции не имели подобных мер и утверждали, что мера должна быть соразмер-

⁵² Доктрина «рамков усмотрения» государства применяется в целом в отношении положений Конвенции. См., например, решение Суда по делу *Хэндисайд против Соединенного Королевства* А 24 (1976 г.), в котором Суд заметил, что «...механизм защиты прав человека, созданный Конвенцией, является вспомогательным по отношению к национальным системам гарантий прав человека. Конвенция оставляет каждому договаривающемуся государству, в первую очередь, задачу гарантирования прав и свобод, в ней запечатленных. Институты, ей созданные, вносят свой вклад в реализацию этой задачи, и их приводят в действие только посредством производства в связи с возникшим спором и только после того, как были исчерпаны все внутригосударственные судебные процедуры».

⁵³ А 52 (1982 г.).

ной, альтернативы ей не существовало. Но Суд отверг эту позицию.

Суд также рассмотрел вопрос о возмещении и согласился с выводом Комиссии о том, что Ст. 1, хотя она и не содержит норм на этот счет, в целом требует выплаты компенсации за изъятие собственности. Суд заметил, что в правовых системах договаривающихся государств изъятие собственности без выплаты компенсации считается обоснованным только при исключительных обстоятельствах: в противном случае право собственности будет в основном «иллюзорным и неэффективным». Что же касается стандарта возмещения, Суд заявил, что изъятие собственности без выплаты компенсации в размере, в разумной степени соотносимым с ее стоимостью, будет считаться несоразмерной мерой. Но Статья 1 не гарантирует право на полную компенсацию при любых обстоятельствах: «законные цели в «интересах общества», такие как преследуемые при проведении экономической реформы или при мероприятиях, нацеленных на достижение большей социальной справедливости, могут обосновывать возмещение в размерах меньших, чем полная рыночная стоимость»⁵⁵.

Суд далее нашел, что по данному делу был установлен требуемый справедливый баланс, хотя владение Герцога Вестминстерского не получило полную рыночную стоимость в результате передачи права собственности арендаторам. Суд заметил, что арендатор выплатил примерную стоимость земельного участка, но ничего за строения на участке. Это явно было выгодно арендаторам, но ввиду того, что ими (или его предшественниками), потрачены суммы за годы аренды на ремонт, содержание и усовершенствования, арендатор и его предшественник-правообладатель, по существу, уже заплатили за имущество. Соответственно, нарушения ст. 1 Протокола №1 не было.

Решение по делу *Джеймс против Соединенного Королевства*⁵⁶ иллюстрирует «широкие рамки усмотрения», которым страсбургские органы готовы были наделить национальные власти при оценке как соответствия вмешательства в право собственности той или иной законной цели в интересах общества, так и соразмерности. Это решение также ясно дает понять, что Суд играет определенную роль в исследовании фактических обстоятельств дела и оценке, не переступило ли государство рамки своего усмотрения. Как указано выше, Европейский Суд по правам человека в последние годы в особенности находил по

⁵⁴ А 52 (1982), пункт 69 решения; см. выше, пункты 14—17.

⁵⁵ Пункт 54 решения.

⁵⁶ А 98 (1986 г.).

многим делам, что рамки усмотрения государством переступались.

Еще одним примером рассмотрения Судом вопроса, в какой степени вмешательство государства в право собственности отвечало законной цели в интересах общества, является решение по делу *Сколло против Италлии*⁵⁷.

По этому делу заявитель в июне 1982 г. в Риме приобрел квартиру, которая была занята жильцом-арендатором жилого помещения. В марте 1983 г. заявитель потребовал через суд выселения жильца на тех основаниях *inter alia*, что он (заявитель) имел 71% степень инвалидности, был безработным, болел диабетом и нуждался в квартире и что жилец прекратил арендную плату. В апреле 1983 г., магистрат издал ордер о выселении жильца. Однако, в соответствии с курсом итальянского правительства на то, чтобы приостанавливать действие, откладывать или затруднять исполнение ордеров о выселении арендаторов жилых помещений, действие данного ордера приостанавливалось 4 раза на основании законодательного декрета. В конце концов жилец выехал из квартиры добровольно в январе 1995 г., 11 лет и 10 месяцев спустя после того, как заявитель впервые возбудил производство о его выселении. Заявитель принес жалобу о нарушении его права собственности.

Когда вопрос был представлен Европейскому Суду по правам человека, он прежде всего, рассмотрел вопрос о применимости трех норм ст. 1. Суд заметил, что в данном случае не было ни передачи собственности, ни вопреки утверждениям заявителя отчуждения собственности *de facto*. На протяжении всего времени у заявителя была возможность отчуждения собственности и он получал арендную плату в полном объеме до октября 1987 г. и частично в период между ноябрем 1987 г. и февралем 1990 г. Поскольку оспариваемые государственные меры означали то, что квартиросъемщик продолжал занимать жилплощадь, то эти меры, несомненно, равносильны контролю за использованием имущества. Соответственно норма вторая ст. 1 Протокола №1 применима.

Νόα ηήηεαεήγυ ία οίο δαεò, +οί αοίòδαγ ίòδία ηίòδαιγυαò çà αήηòααδ-ηòαίη ίòααί ίòείεíαòòυ δαεεά çαεήíυ, εαεεά ήí ηί+οαò ίάíαδíαεíυíε αεγ οηòαííαεάíεγ εήíòδíεγ çà εήήεüçíáαáεáí ηήαηòααίήηòε á ηήò-ααòηòαεε η ίαυεíε εíοαδáηαíε. Οαεεά çαεήíυ, çαíòεε Νόα, ίαεάíεαá +αηòí ίòείεíαòòηγ á ηòαδá ίάαήíá+άíεγ áδαæαáí æεεüáí, εήíòδαγ á ηήαδáíáííí ίαυαηòαá γáεγαòηγ οáíòδαεüíé αεγ ηίòεαεüíí-γέíήíε-+áηéíε ήεεòεεε αήηòααδηòαá. Άεγ δααεεçαòεε γοίε ήεεòεεε çαεήííαα-

⁵⁷ A 315-C (1995 г.).

òàèùíúé ìðààí àíèæáí îíèùçíààòùñý óñííòðáíèáí á øèðíèèð ðàíèàð èàè á ñíòñèá ìðààááèáíèý íàèè+èý ìðíàèáíú, àùçúààðùáé íçàáí+áíííñòù íàùáñòàà è òðààóðùáé ìðèíýòèý íàð èííòðíèý, òàè è àùáíðà áàòàèù-íúð ìðààíèñáíèè áèý áííèíùáíèý òàèèð íàð. Nóá áííáù ìíàòàáðàèè⁵⁸, +òí íí ñíàèàñèòñý ñ ñóæááíèáí çàèíííààòàèùííáí ìðàáíá ìí ìíáíáò òíáí, +òí áñòù á íàùèð èíòàðáñáð, áñèè òíèùèí òàèííáá ñóæááíèá ñí áñáè í-á-àèáííñòùð íá èíáàò ìíá ñíáíè ðàçóíííáí ìíííááíèý. (Footnotes)

Заявитель утверждал, что законодательные меры были не эффективными, что государство не имело на вооружении надлежащей политики в сфере распределения жилья и лишило его права распоряжаться собственной квартирой, поскольку защите подлежали только интересы жильца-арендатора. Государство не было вправе, указывал он, использовать дополнительные нормы ссылаясь на общие интересы.

Суд, однако, заметил, что законодательные нормы, приостанавливавшие действие ордеров о выселении в период с 1984 г. по 1988 г., были продиктованы необходимостью разрешить проблему огромного числа договоров аренды жилья, срок действия которых истек в 1982 и 1983 г., и дать возможность жильцам, договоры аренды жилья которых истекли, обыскать приемлемое новое жилье либо получить жилье, субсидированное государством. Исполнение всех ордеров о выселении, заявил Суд, привело бы к заметной социальной напряженности и представило бы угрозу общественному порядку. Посему обжалуемые законодательные положения преследовали законную цель в общих интересах в соответствии с требованиями ст. 1 Протокола №1.

Обратившись далее к вопросу о требовании соразмерности, Суд заметил, что всякое вмешательство в право собственности должно обеспечивать разумное равновесие и разумную соразмерность между используемыми средствами и целью, на которую направлена любая мера, лишаящая лицо собственности⁵⁹.

Заявитель утверждал, что обжалуемое вмешательство в право собственности было несоразмерным, подчеркивал, что являлся владельцем и просто хотел занять собственную квартиру, чтобы жить там вместе со своей семьей. Он указал, что вынужден был влезть в долги, чтобы приобрести новую квартиру. Государство со своей стороны выдвинуло аргумент о том, что в то время в Италии имела место исключительная нехватка жилья.

Суд заметил, что нехватка жилья является почти повсеместной проблемой современного общества. Для того чтобы определить, были

⁵⁸ См. решение Суда по делу *Джеймс против Соединенного Королевства* А 98 (1986 год), пункт 46; пункт 94 выше.

⁵⁹ Пункт 32 решения суда.

ли предпринимаемые меры соразмерны целям, в частности, защите интересов жильцов с низкими доходами и предотвращения любой угрозы общественному порядку. Суд заметил, что заявитель четко уведомил власти о том, что он нуждался в квартире, у него не было работы и он был инвалидом. Властями абсолютно ничего не было предпринято в ответ. Заявитель не смог вернуть свою собственность, пока жилец не покинул квартиру добровольно, хотя условия, необходимые для исполнения ордера о выселении, в период, когда исполнение было приостановлено, были соблюдены. Суд также заметил, что заявитель был вынужден приобрести другую квартиру и подать иск по поводу взимания арендной платы за жилье. С учетом всего вместе взятого ограничения, возложенные на использование заявителем своей квартиры, были равносильны нарушению требования соразмерности и нарушению ст. 1 Протокола №1.

Таким образом, решение Суда по делу *Сколло против Италии* показывает пример неудачной аргументации по поводу того, что обжалуемые меры не отвечали законной цели в интересах общества⁶⁰.

Соразмерность

Как указывалось выше, для того, чтобы вмешательство в право собственности считалось допустимым, оно должно не только служить законной цели в интересах общества, но должна быть и разумная соразмерность между используемыми средствами и той целью, на которую направлена любая мера, лишаящая лицо собственности⁶¹. Разумное равновесие должно сохраняться между общими интересами общества и требованиями охраны основных прав личности, при том, что поиски сохранения такового равновесия в целом присущи всей Конвенции⁶². Это главный вопрос, так или иначе фигурирующий по большинству дел.

Примером является решение Суда по делу *АГОСИ против Соединенного Королевства*⁶³. Заявителем по делу была германская компания АГОСИ, занятая переплавкой металлов, а также занимавшаяся тор-

⁶⁰ Другой пример утверждений о том, что законодательная мера, в результате которой заявители были лишены своей собственности, не отвечала законной цели в интересах общества, это решение Суда по делу *Бывший Король Греции и другие против Греции* (23 ноября 2000 г.). Заявители, однако, добились успеха, отстаивая ту позицию, что изъятие всей их собственности в Греции без выплаты было несоразмерным. Суд соответственно установил нарушение ст. 1 Протокола № 1.

⁶¹ *Джеймс против Соединенного Королевства* А 98 (1986 г.), п. 50; и *Литгоу против Соединенного Королевства* А 102 (1986 г.), п. 120.

говлей золотыми и серебряными монетами. Однажды в воскресенье днем некие г-н Х и г-н У пришли на фабрику компании в Германии и попросили немедленно приобрести у компании 1500 кругерэндов, золотых монет, выпускавшихся в Южной Африке. Стоимость монет составляла 120 000 английских фунтов стерлингов. Сделка купли-продажи состоялась и монеты были погружены в автомобиль с британскими номерными знаками. Платеж был принят в форме чека, выписанного на один английский банк. Компания АГОСИ пыталась обналичить чек, но он не был признан обеспеченным. Контракт о сделке купли-продажи содержал условие, что право владения монетами сохраняется за АГОСИ, пока полностью не осуществлен платеж.

Тем временем покупатели пытались ввезти монеты в Соединенное Королевство, спрятав их в запасной крышке автомобиля. Но монеты были обнаружены и изъяты таможенными властями Соединенного Королевства. Несколько месяцев ранее ввоз золотых монет в страну был запрещен государственным секретарем по делам торговли и промышленности. Покупатели монет, г-н Х и г-н У были привлечены к уголовной ответственности за мошенническое уклонение от выполнения запрета на ввоз золотых монет (контрабанду).

Компания АГОСИ вскоре потребовала возврата ей монет на том основании, что компания оставалась законным их владельцем, поскольку она не получила платеж за покупку монет. Таможенные власти отказались возвратить монеты. Г-н Х и г-н У были осуждены уголовным судом. Даже на этой стадии развития событий таможенные власти отказались возвратить монеты компании. Компания безрезультатно обращалась в английский суд с иском о возврате монет.

При слушании дела в Европейском Суде по правам человека, компания АГОСИ обжаловала *inter alia* отказ таможенных властей. Компания утверждала, что она была законным владельцем монет, не виновным в каких-либо правонарушениях, и что ей не было предоставлено надлежащей возможности представить дело на рассмотрение английских судов. Страсбургский Суд заметил, что удержание (конфискация) монет равносильна вмешательству в право пользования имуществом в значении первой нормы ст. 1 (этот факт оспаривать нельзя). Но затем

⁶² Решения Суда по делам *Спорронг и Лоннрот против Швеции* А 52 (1982 г.), п. 69, 73; *Тре Тракторер АБ против Швеции* А 159 (1989 год), пункт 59; *Хентрих против Франции* А 296-А (1994 г.), п. 45-49; *Святые монастыри против Греции* А 301-А (1994 г.), п. 70; *Эр Канада против Соединенного Королевства* А 316-А (1995 г.), п. 29.

⁶³ А 108 (1986 г.).

Суд должен был определить, было ли применимым здесь вторая норма или третья. Он заметил, что запрет на ввоз золотых монет явно образывал форму контроля за использованием собственности. Изъятие и конфискация монет были мерами по исполнению этого запрета. Он также заметил, что конфискация монет, конечно, была связана с лишением собственности, но при данных обстоятельствах лишение собственности было составляющим элементом процедуры контроля за использованием в Соединенном Королевстве золотых кюгеррэндов. Соответственно третья норма, о контроле за использованием собственности, была здесь применима.

Что касается обоснованности мер, Суд заметил, что запрет на ввоз кюгеррэндов несомненно подпадает под действие ст. 1 Протокола №1, т. к. преследовал законную цель в интересах общества. Но необходимо было также рассмотреть, существовала ли разумная соразмерность между используемыми средствами и целью, на которую направлена любая мера, лишаящая лицо собственности. Суду надо было определить, сохранено ли требуемое справедливое равновесие. Суд заметил, что «рамки усмотрения, предоставляемые государству при выборе им средств исполнения мер, и установления соответствия последствий общим интересам достаточно широки».

Суд заметил, что в соответствии с общими принципами права, признанными во всех государствах-участниках, контрабандные товары могут быть, как правило, объектом конфискации. Но компания АГОСИ утверждала (и Комиссия с этим согласилась), что такая мера неприменима в случаях, когда владелец конфискованной собственности «невиновен». Суд заметил, что поддержание справедливого равновесия зависит от многих факторов, и что действия владельца собственности (в отношении контрабанды), включая уровень небрежности (предосторожности), должны быть приняты во внимание (Суд также отметил, что в договаривающихся государствах не существовало общей практики касательно необходимости признания наличия небрежности при конфискации).

Соответственно, хотя это прямо и не упомянуто в статье 1, Суд должен был изучить вопрос, были ли применимые процедуры таковыми, что способствовали разумному рассмотрению степени небрежности или предосторожности, проявленной заявителем, и также проверить, **предоставили ли применимые процедуры компании разумную возможность представить дело на рассмотрение** компетентных властей. Суд изучил английскую процедуру судебного надзора и нашел, что она удовлетворяет требованиям статьи 1 Протокола № 1. Соответственно, нарушения права собственности компании АГОСИ не было.

Другим примером применения принципа соразмерности и усмотрения является решение Суда по делу *Меллахер против Австрии*⁶⁴. Как было указано выше, это дело касалось домовладельцев квартала квартир, которые утверждали, что австрийское законодательство о контроле за квартирной платой при найме жилья противоречило ст. 1 Протокола № 1, поскольку оно вмешивалось в их договорные права о взимании платы за жилье. Суд постановил, что ст. 1 была применима по делу, и что вмешательство в право заявителей на собственность в значении второй нормы имело место.

Относительно вопроса об обоснованности мер, заявители утверждали, что Закон 1981 г. об арендной плате не преследовал законной цели, имея в виду не исправление социальной справедливости, а перераспределение собственности. Они согласились с тем, что подобные действия государства возможны и его вмешательство не требовалось. Они упомянули экономический бум происходивший в Австрии, представили статистические данные, демонстрирующие, что жилье было доступно, что Закон 1981 г. не имел поддержки двух из трех политических партий, т. е. Закон представлял собой меру, предпринятую правительством социалистов с целью удовлетворить интересы отдельной части электората. Таким образом, это мера была, предпринята не в общих интересах.

Европейский Суд по правам человека изучил пояснительную записку правительства к проекту указанного закона. В ней говорилось о необходимости уменьшить разницу между арендной платой за жилье, вносимой за равноценные квартиры. Закон имел целью сделать жилье более доступным по умеренным ценам. Суд нашел, что такого рода аргументы имел в основе цель связанную с общими интересами.

Что касается требования соразмерности, то Суд подтвердил необходимость применения принципа справедливого равновесия. Заявители утверждали, что данный Закон позволял не выполнять правомерно заключенные договоры. Суд заключил, однако, в вопросах законодательства, направленного на решение социальных проблем, и в особенности в сфере контроля за арендной платой за жилье, законодательный орган может предпринимать меры, влияющие на исполнение ранее заключенных договоров, для достижения общих целей. Суд далее заявил, что наличие альтернативных решений проблемы не служит основанием для признания оспариваемого законодательства необоснованным. (при условии, что законодательный орган оставался в рамках предоставленного ему усмотрения). Суд не вправе обсуждать

⁶⁴ А 169 (1989 г.), п. 48.

уровень компетентности законодателя.

Заявители указывали на тот факт, что в результате действия Закона 1981 г. взимаемая ими арендная плата за жилье снизилась на 80% в двух случаях, и на 22% – в других. Комиссия сочла степень вмешательства в право собственности необоснованной. Государство же утверждало, что даже при сниженных ставках арендной платы, плата за жилье была разумно сравнима с платой, которую можно было назначить за аренду жилья в других зданиях. Суд нашел, что требуемое справедливое равновесие было обеспечено. Он принял во внимание (*inter alia*), что владельцы по-прежнему могли относить различные расходы, такие как расходы на страхование жилища, на счет жильцов и могли требовать от жильцов плату взносов на текущий ремонт. В Законе содержались также временные положения, которые позволяли владельцам взимать арендную плату по существующим договорам аренды на 50% выше, чем им разрешено взимать по вновь заключенным договорам аренды жилья. Поэтому не было нарушения ст. 1 Протокола №1.

Дело *Греческие нефтеперерабатывающие заводы «Стрэн» против Греции*⁶⁵ также уже упоминалось выше. По этому делу, связанному с арбитражным решением, которое в законодательном порядке было признано недействительным и не подлежащим исполнению, Суд решил, что вмешательство в право собственности не было ни формой отчуждения, ни формой контроля за использованием собственности, и вопрос о нем должен был решаться на основе первой нормы ст. 1.

Затем Суд перешел к определению, было ли обеспечено требуемое справедливое равновесие. Государство утверждало, что обжалуемая мера была частью комплекса мер, направленных на ликвидацию последствий военного режима на защиту демократических институтов. Права заявителей, по утверждению государства, наносили ущерб национальной экономике, способствовали поддержанию диктатуры. Заявители же утверждали, что было бы несправедливо каждое правоотношение, установленное с диктаторским режимом, признавать недействительным после ухода режима.

Суд не поставил под сомнение полномочие государства прекращать действие контракта, который оно считает наносящим ущерб экономическим интересам государства. Действительно, в публичном международном праве твердо утвердилось положение, что всякое государство располагает суверенным полномочием прекращать действие контракта, заключенного с частным лицом при условии, что оно выплачивает

⁶⁵ А 301-В (1994 г.).

компенсацию. Это, однако, не распространяется на определенные пункты контракта, например, арбитражная оговорка. Суд также заметил, что государство само выразило согласие на проведение арбитражного разбирательства, решение которого оно не хотело исполнить. Поэтому, аннулируя арбитражное решение, законодательный орган нарушил требование справедливого равновесия. Соответственно, имело место нарушение ст. 1 Протокола №1.

Дело *«Прессос Компания Навьера А.О.» против Бельгии*⁶⁶ также является примером нарушения государством рамок предоставленного ему усмотрения. Это дело, по которому ряд судовладельцев, подали иски о возмещении ущерба, причиненного в результате халатности лоцманов, за действия которых несло ответственность бельгийское государство. После причинения ущерба государство приняло законодательство, устраняющее право на возмещение ущерба при соответствующих обстоятельствах. Суд нашел, что имело место вмешательство в их права, предусмотренные ст. 1 Протокола №1.

Государство аргументировало свои действия необходимостью оградить свои финансовые интересы, восстановить правовое единообразие в сфере деликатного права и привести ситуацию в соответствии с международной практикой в этой сфере. Суд заметил, что согласно Конвенции, в первую очередь, национальные власти должны давать оценку проблем, вызывающей озабоченность общества и требующей принятия мер, направленных на лишение собственности и установления порядка судебной защиты. Интересы общества неизбежно многообразны, поэтому Государство располагает усмотрением в широких рамках.

Что касается соразмерности, то Суд сослался на стандарт проверки надлежащего равновесия между требованиями интересов общества и требованиями защиты основных прав личности, и заметил, что условия возмещения ущерба, установленные соответствующим законодательством, относились к этому вопросу. Он также отметил, что изъятие собственности без выплаты суммы, разумно соотносящейся с ее стоимостью, обычно может быть оправдано только при исключительных обстоятельствах. По этому делу Закон 1988 года аннулировал с обратной силой и без компенсации требования о возмещении ущерба на очень крупные суммы, которые жертвы аварий могли бы предъявить бельгийскому государству. В некоторых случаях дела уже находились в производстве судов. Государство указало на те потенциальные исковые требования на огромные суммы, которые могли бы быть предъявлены,

⁶⁶ А 332 (1995 г.)

если Закон не был бы принят, (3500 миллионов бельгийских франков). Суд пришел к выводу, что эта озабоченность государства и его озабоченность тем, чтобы законодательство было бы приведено в соответствие с законодательством соседних стран, оправдывало принятие в будущем законодательства, изменяющего деликтное право, но эти соображения не могли оправдать принятие законодательства с обратной силой с целью и последствиями, связанными с лишением заявителей их правопритязаний на возмещение ущерба. Такого рода фундаментальное вмешательство в право собственности не соответствовало принципу справедливого равновесия, и Статья 1 Протокола № 1 была соответственно нарушена.

Меры по налогу обложению. Суд всегда считал полномочия в сфере уплаты налогов или других сборов и штрафов (в рамках третьей нормы ст. 1 Протокола № 1) достаточно широкими. Но налоговая мера, тем не менее, должна отвечать требованию соразмерности.

По делу *Газус Досьер унд Фордетекник ГмбХ против Нидерландов*⁶⁷, упоминавшемуся выше, заявителем выступала германская компания, вступившая в соглашение с голландской компанией «Атлас» о продаже «Атласу» бетономешалки. Условия и положения договора купли-продажи, предложенные «Газус», включали «пункт о том что эта компания сохраняет за собой право собственности на бетономешалку, пока платеж за нее не поступит полностью.

У «Атласа» возникли финансовые трудности, и бетономешалка была арестована голландским налоговым приставом в погашение налоговой задолженности компании. Компания «Газус» обжаловала эти действия в суд, но проиграла. Затем она обратилась в Страсбург.

В качестве первого довода государство выдвинуло утверждение, о том что у компании не было права собственности на бетономешалку, а только право вступить во владение собственностью, предложенной в качестве обеспечения. Но Суд отверг этот довод, напомнив, что «имущество» имеет «автономное» значение для целей ст. 1 и не ограничивается правом владения имуществом. Поэтому не имело значения для дела, сохраняла ли компания «Газус» право собственности на бетономешалку или просто имела право вступить во владение ей. Так или иначе, компания имела имущество, охраняемое в силу ст. 1 Протокола № 1.

Что касается вопроса о том, какая из трех норм могла быть применена по делу, компания «Газус» утверждала, что ее лишили собственности в контексте второй нормы. Но Суд постановил, что арест бетоно-

⁶⁷ А 306-В (1995 г.), п. 62; Решение Суда по делу *Нешенел энд Провиншиэл Билдинг Сосайети против Соединенного Королевства* 1997-VII (1997 г.), п. 80.

мешалки был частью системы мер государства по обеспечению сбора налогов и, тем самым, должен быть рассмотрен, с точки зрения второй нормы ст. 1, который дает право государствам «обеспечивать уплату налогов или других сборов или штрафов».

Суд напомнил, что на стадии разработки Конвенции эта фраза еще не была включена в проект, потому что государства могли принимать любые налоговые законы, которые они считали желательными, но при условии, что такие законы не могли быть приравнены к «произвольному отчуждению» собственности. В данном случае, указал Суд, не было произвольного отчуждения, даже при том, что закон разрешал налоговым властям изымать в помещениях налогоплательщика предметы, которые в действительности принадлежат не ему, а третьей стороне. Суд нашел поддержку своей точке зрения в том факте, что такого рода вещи разрешены в нескольких правовых системах.

Затем Суд еще раз подчеркнул, что государство располагает усмотрением в широких рамках, пока оно «не лишено разумных оснований». Суд процитировал свое решение по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции* и указал на требование справедливого равновесия и соразмерности.

Применяя эти принципы, Суд установил, что арест бетономешалки не противоречил ст. 1 Протокола №1. В частности, он принял во внимание, что: «Газус» участвовал в коммерческом предприятии, которое по своему характеру включало коммерческий риск; включение пункта о сохранении права на собственность предоставляло обеспечение против требований кредиторов иных, чем налоговые власти; «Газус» мог устранить риск потери, отказавшись предоставить кредит «Атласу»; он мог получить дополнительное обеспечение, например, соответствующим образом застраховав имущество; «Газус» разрешил нахождение бетономешалки в помещениях «Атласа».

Это дело иллюстрирует единый подход Суда в применении принципа справедливого равновесия между требованиями интересов общества и требованиями защиты основных прав личности к налоговым мерам, как и к другим формам вмешательства в право собственности.

Возмещение. Как было отмечено выше, ст. 1 Протокола №1 прямо не требует выплаты компенсации за изъятие собственности или иного вмешательства в право собственности. Но в случае изъятия (или лишения) собственности, требование о компенсации обычно подразумевается, так в одном из решений Суд заметил, что: «... в правовых системах договаривающихся государств изъятие собственности в интересах общества без выплаты компенсации считается допустимым только

при исключительных обстоятельствах, не имеющих отношения к целям настоящего дела. Совершенно ясно, что условия компенсации являются существенным фактором при оценке, в какой мере оспариваемое законодательство обеспечивает справедливое равновесие между различными интересами, и, в особенности, не возлагает ли оно несоразмерное бремя на заявителя ...» (п. 54).

Доступность компенсации также является существенным фактором при оценке соразмерности иных (меньших по масштабу) форм вмешательства в право собственности.

Примером, когда Суд принял во внимание отсутствие компенсации в связи с вмешательством в право собственности может служить дело *Шасаню против Франции*⁶⁸.

По этому делу заявителями были собственники земли, которые согласно французским законам имели исключительное право охотиться на собственных землях. Это право было частью права собственности на землю. Но французские власти посчитали, что было бы выгодней собрать воедино мелких владельцев земель и создать ассоциацию, предоставляющую ее членам общие права на охоту. Власти сделали членство в ассоциации для владельцев земли, обязательным, с уступкой их исключительных прав на охоту на их землях другим членам ассоциации.

Заявители (которые были активистами движения в защиту животных и противниками охоты) утверждали, что принудительная передача прав на охоту противоречит ст. 1 Протокола №1.

На слушаниях перед Судом было достигнуто согласие относительно того, что в данном случае применяется третья норма. Что касается интересов общества, то заявители утверждали, что закон был принят только в интересах охотников, а тем самым – не в интересах общества. Суд отверг этот довод. Он постановил, что французские власти были вправе полагать, что отказ от нерегулируемой охотничьей деятельности был в общих интересах.

Что касается вопроса о соразмерности, то Суд постановил, что справедливое равновесие по отношению к заявителям, которых обязали передать свои права на охоту с тем, чтобы дать возможность другим охотиться на их землях, при том, что они по морально-этическим соображениям отвергли охоту, было нарушено. В частно-

⁶⁸ 29 апреля 1999 г., п. 82 решения; См. также решения Суда по делам: *Спорронг и Лоннрот против Швеции* А 52 (1982 г.), п. 73; *Иммуобиляре Саффи против Италии* (28 июля 1999 г.), п. 56 и 57.

сти, Суд отметил отсутствие какой-либо компенсации (Правительство полагало, что возможность охотиться на землях, принадлежащих другим, будет достаточной компенсацией для владельцев земли, таких как заявители, но это не удовлетворяло заявителей, которые не хотели охотиться вообще). Ввиду данных обстоятельств право собственности заявителей, как оно гарантируется ст. 1 Протокола №1, было нарушено.

В тех случаях, когда необходима выплата компенсации с тем, чтобы удовлетворить требованию соразмерности, это необязательно должна быть при всех обстоятельствах полная компенсация. Законные цели, преследуемые в «интересах общества», такие как преследуемые в реализации экономической реформы или при реализации мер, направленных на достижение большей социальной справедливости, могут допускать выплату возмещения в объеме меньшем, чем полная рыночная стоимость. Но при этом сумма компенсации должна, по меньшей мере, в разумной степени соотноситься со стоимостью собственности⁶⁹.

По делу *Литгоу против Соединенного Королевства*⁷⁰.

Заявителями были кораблестроительная и самолетостроительная компании, средства которых были национализированы. Они не оспаривали то, что у государства была законная цель для изъятия собственности, но утверждали, что выплаченная компенсация была несоразмерна. Британское правительство установило систему выплат компенсации, при которой акции заявителей (которые были национализированы) были оценены по ставкам трехлетней давности на момент передачи акций. Позиция Правительства состояла в том, что такой порядок был принят с тем, чтобы избежать назначения цены, на размеры которой искусственно повлияла осведомленность о предстоящей национализации. Заявители же утверждали, что дата оценки стоимости должна была бы быть приближена к дате передачи собственности, поскольку стоимость акций на самом деле пошла вверх. Заявители указали на тот факт, что в международном праве при подобного рода ситуациях датой оценки стоимости признается дата изъятия или передачи собственности.

Суд согласился с Комиссией в том, что «изъятие собственности без возмещения в сумме, разумно соотносящейся с ее стоимостью, обыч-

⁶⁹ Решения Суда по делам: *Джеймс против Соединенного Королевства* A 98 (1986 г.), п. 54; *Святые монастыри против Греции* A 301-A (1994 г.), п. 71.

⁷⁰ A 98 (1986 г.).

но образует несоразмерное вмешательство в право собственности, которое не может быть оправданным по ст. 1. Статья 1, однако, не гарантирует какого-либо права на полную компенсацию при любых обстоятельствах, поскольку законные цели, преследуемые в «интересах общества» при реализации экономической реформы или при реализации мер, направленных на достижение большей социальной справедливости, могут допускать выплату возмещения в объеме меньшем, чем полная рыночная стоимость».

Следует обратить внимание на то, что, Суд также заявил, что размер компенсации может варьироваться в зависимости от характера собственности и обстоятельств ее изъятия. Размер компенсации по делу о национализации может отличаться от ее размера в отношении другого рода изъятий собственности, например, принудительное отчуждение земли в общественных целях.

Суд постановил (отвергнув доводы заявителей), что концепция «широкого усмотрения государства» применима не только в вопросе о соответствии национализации интересам общества, но также в выборе условий компенсации. Суд заметил, что «...полномочие Суда по пересмотру обжалуемых решений по данному делу ограничено установлением того, в какой мере решение о компенсации вышло за широкие рамки усмотрения Соединенного Королевства; он согласится с суждением законодательного органа по этому вопросу, если только это суждение имеет разумные основания».

Заявители также полагались на требование второй нормы ст. 1. Они утверждали, что это требование означает, что выплачиваемая им компенсация должна быть «адекватной, быстрой и эффективной», как это требуют общие принципы международного права. Но Суд отверг этот довод. Он заметил, что в соответствии с самими принципами международного права, это требование применяется только по отношению к не-гражданам страны. Если посмотреть в *travaux preparatoires* по ст. 1, становится ясно, что государства намеревались эту фразу применять только по отношению к не-гражданам страны.

Правовая определенность. Вмешательство в право собственности должно также удовлетворять требованию правовой определенности или законности. Это прямо заявлено во второй норме ст. 1 изъятие имущества должно производиться «на условиях, предусмотренных законом». Но принцип правовой определенности присущ Конвенции в целом, и это требование должно быть удовлетворено, вне зависимости от того, какая из трех норм применяется.

По поводу того, что означает принцип правовой определенности, см. решение Суда по делу *Винтерверн против Нидерландов*. Это дело касалось права на свободу, гарантированного ст. 5 Конвенции, и права на справедливый суд, гарантированного ст. 6. Заявитель был помещен в психиатрическую лечебницу. Он содержался под стражей по решению суда, исполнение которого периодически проверялись, но его не уведомили о вводимом производстве и не разрешили участвовать в нем или быть представленным адвокатом. В нескольких случаях его ходатайства об освобождении из-под стражи прокурором в суд не направлялись. В результате, заявитель автоматически утратил право управлять своей собственностью.

Европейский Суд по правам человека установил нарушение ст. 5 Конвенции в том, что заявитель не мог добиться судебной проверки законности и обоснованности своего содержания под стражей, не имел возможности быть выслушанным судом. Далее, отказ в его праве управлять своим имуществом без предоставления ему возможности судебного слушания по его делу противоречил ст. 6 Конвенции.

Одним из вопросов, которые должен был решить Суд в отношении действия ст. 5, осуществлялось ли содержание заявителя под стражей «в порядке, установленном законом»⁷¹. Суд заявил, что эта фраза отсылает к внутреннему праву страны; фраза означает необходимость соблюдения соответствующего порядка в соответствии с таким правом. Но внутреннее право само должно соответствовать Конвенции, т. е. любая мера, в результате применения которой человека лишают его свободы, должна быть утверждена и исполнена надлежащей властью и не должна быть произвольной.

Суд также заметил, что «в демократическом обществе, признающем принцип верховенства права, ни одно решение, которое является произвольным, ни при каких условиях не может считаться правомерным». Тот же принцип применяется в отношении ст. 1 Протокола №1.

Так, в деле *Иатридис против Греции*⁷². Заявитель использовал кинотеатр под открытым небом, но его с территории он был выдворен, кинотеатр был принудительно отчужден и передан муниципальным властям. Суд постановил, что клиентура кинотеатра образует актив, охраняемый ст. 1.

Суд также заметил, что ордер о выдворении заявителя с территории кинотеатра был отменен греческим судом (несмотря на то, что право заявителя на землю никогда не признавалась). При этих об-

⁷¹См. ст. 5 Конвенции.

стоятельствах Суд сделал заявление о необходимости государств соблюдать принцип законности или правовой определенности. Как заметил Суд, если это требование не выполняется, нет нужды исследовать обстоятельства дела дальше и изучать вопрос о правомерности цели государства или вопрос о соразмерности: «Суд еще раз подтверждает, что важнейшее требование ст. 1 Протокола №1 состоит в том, что любое вмешательство государственной власти в беспрепятственное пользование имуществом должно быть правомерным: вторая норма разрешает лишение имущества только «на условиях, предусмотренных законом» и признает, что государства располагают правом контролировать использование собственности исполнением «законов». Более того, верховенство права, один из фундаментальных принципов любого демократического общества, присущ всем статьям Конвенции... и из него вытекает обязанность, лежащая на государстве или органе государственной власти, подчиняться судебным приказам или решениям, принятым против него... Из этого следует, что вопрос о соблюдении справедливого равновесия между общими интересами общества и требованиями защиты основных права личности... становится релевантным только после того, как установлено, что обжалуемое вмешательство в право собственности удовлетворяет требованиям правомерности и не является произвольным».

По делу *Иатридиса*, заявил Суд, невозвращение земли заявителю «явно» нарушило греческий закон, и тем самым, ст. 1 Протокола №1, при этом иные вопросы даже не рассматривались.

Для того чтобы отвечать принципу правовой определенности, действия государства (или органа государственной власти) должны соответствовать адекватно доступным и достаточно четко сформулированным правовым нормам, которые отвечают существенным требованиям концепции «права». Это означает не только то, что обжалуемое вмешательство в право собственности должно основываться на каком-то положении внутреннего законодательства, но и то, что должен быть справедливый и надлежащий порядок, а именно, чтобы оспариваемая мера устанавливалась бы и приводилась бы в исполнение надлежащим органом власти и не была бы произвольной⁷³.

Эти требования иллюстрируются решением Суда по делу *Хентрих против Франции*⁷⁴.

Г-жа Хентрих приобрела участок земли в Страсбурге за 150000

⁷² 25 марта 1999 г., п. 58 решения.

французских франков. Ее затем уведомили, что казначейство хочет прибегнуть к праву преимущественной покупки, то есть право приобрести собственность на том основании, что оно сочло, что цена, которую она уплатила, была слишком низкой. Состязательного производства, в ходе которого г-жа Хентрих могла бы привести доводы о том, что цена, которую она заплатила, была обоснованной не было.

Г-жа Хентрих утверждала, что ее собственность была *de facto* отчуждена, и это не оспаривалось. Она утверждала, что система преимущественного права государства на приобретение собственности не была в интересах общества, если она применялась, как это было в ее деле, когда вопрос о недобросовестном приобретении или умысле на уклонение от уплаты налогов не поднимался. Европейский Суд по правам человека отверг этот довод, сославшись на «усмотрение в широких рамках», предоставленное государствам.

Суд затем принял важное постановление по вопросу о правомерности действий государства, и что «...реализация права государства на преимущественную покупку проводилась произвольно и выборочно и не была предсказуемой; она не сопровождалась предоставлением основных процессуальных гарантий. В частности, ст. 668 Кодекса законов об общих налогах, как она до тех пор толковалась Кассационным судом и как она была применена в отношении заявителя, недостаточно удовлетворяла требованиям точности формулировок и предсказуемости по смыслу Конвенции.

Решение о приведении в действие права на преимущественную покупку не может быть законным в отсутствие состязательного производства, которое отвечало бы требованиям равенства возможностей и которое бы позволяло привести доводы относительно заниженности цены на землю и, следовательно, позиции казначейства – всех элементов, в данном деле отсутствующих».

Затем Суд перешел к оценке соразмерности, и заявил, что для таковой оценки он должен изучить степень защищенности от произвола. Суд установил, что достаточной степени защищенности не было, заметив, что г-жа Хентрих была выборочным объектом процедуры при-

⁷³ Решения Суда по делам: *Литгоу против Соединенного Королевства* А 102 (1986 г.); *Винтерверп против Нидерландов* А 33 (1979 г.); *Спачек против Республики Чехия* (9 ноября 1999 г.), в котором Суд заметил, что, говоря о «законе», Статья 1 Протокола №1 имеет в виду концепцию, воспринятую всей Конвенцией, а именно закон, как понятие, объединяющее статутное право и прецедентное право. Оно предполагает такие требования, как, в первую очередь, доступность и предсказуемость (п. 54 решения).

⁷⁴ А 296-А (1994 г.), п. 42 решения.

ведения в действие права на преимущественную покупку, которая использовалась редко. Не было гипотез о том, что она действовала недобросовестно, и что существовали иные средства, доступные государству, для борьбы с уклонением от уплаты налогов (например, возбуждение производства о взыскании неуплаченных налогов). При этих обстоятельствах Суд нашел, что г-жу Хентрих вынудили «нести особое и чрезмерное бремя».

Решение по этому делу очень важно, в особенности, ввиду того, что в нем подчеркивается необходимость в справедливом порядке и требование о недопустимости произвольных действий государства.

У. ДРУГИЕ ВОПРОСЫ

Сочетание статьи 1 Протокола № 1 со статьей 14

По некоторым делам может и не быть нарушения ст. 1 Протокола №1, взятой отдельно, но может быть ее нарушение, когда ее применяют по делу в сочетании со ст. 14 Конвенции (которая запрещает какую-либо дискриминацию личности при пользовании правами и свободами, признанными в Конвенции)⁷⁵.

Решение Суда по делу *Маркс против Бельгии*⁷⁶ пример такой возможности. Предметом рассмотрения было законодательство, устанавливавшее дискриминационные условия в отношении внебрачных детей, и *inter alia* оно устанавливало ограничения на право матери завещать свое имущество своему внебрачному ребенку. Европейский Суд по правам человека постановил, что такое положение является вмешательством в ее право собственности по ст. 1 Протокола №1, в сочетании со статьей 14 Конвенции (хотя не имели место нарушения ст. 1 Протокола №1).

Решение Суда по делу *Лингвистик белж (дело № 2)* А 6 (1968 год)⁷⁷

⁷⁵ В ст. 14 говорится: «Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любым иным обстоятельствам».

⁷⁶ А 31 (1979 г.).

устанавливает общие принципы, применимые к ст. 14 Конвенции.

По данному делу ряд франко-говорящих родителей из Бельгии подали жалобу на то, что различные положения бельгийских законов об использовании языков в системе образования нарушают, *inter alia*, право на уважение личной и семейной жизни (ст. 8) и право на образование (ст. 2 Протокола №1), взятые вместе со ст. 14, в том, что эти положения лишают общественной поддержки и признания школ с обучением на французском языке в определенных районах, обозначенных как использующие фламандский язык. Рассматривая это дело, Суд четко установил, что та или иная обжалуемая мера, которая, взятая отдельно, согласуется с требованиями какой-либо статьи, может считаться нарушением этой статьи, взятой в сочетании со ст. 14, ввиду дискриминационного характера этой меры.

Но Статья 14 не воспрещает различие подходов к вопросу при осуществлении прав и свобод, гарантированных Конвенцией. Принцип равенства обращения с личностью нарушается только, если конкретное различие не имело под собой объективного и разумного обоснования. Различие в обращении с личностью должно иметь перед собой законную цель, и должно существовать отношение соразмерности между используемыми средствами и целью, которую хотят достичь.

Длющиеся нарушения

Европейский Суд по правам человека признал существование концепции **длющегося нарушения** права собственности. Этот принцип может быть использован в отношении изъятий собственности, которые имели место до того, как Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека.

Хорошей иллюстрацией по данному вопросу является решение Суда по делу *Лоуизиду против Турции*⁷⁸.

По этому делу заявительницей была гречанка-киприотка, которая жаловалась на нарушение ст. 1 Протокола №1 в отношении дома, которым она владела в северной части Кипра, и который была вынуждена оставить после турецкой оккупации этой части острова в 1974 г. Она утверждала, что на длящейся основе была лишена доступа к своей собственности Турецкими вооруженными силами.

Турецкое правительство утверждало, *inter alia*, что она не вправе

⁷⁷ А 31 (1979 г.).

⁷⁸ 1996-VI (1996 г.).

заявлять требования, поскольку вмешательство в ее право собственности имело место до 1990 г., когда Турция признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека в отношении событий, которые имели место после такого признания. Суд напомнил, что он уже принял на вооружение понятие длящегося нарушения в своем решении по делу *Папамихалопулос против Греции*⁷⁹ и определил влияние этого понятия на ограничения компетенции органов Конвенции во времени. Настоящее дело касалось длящегося нарушения, при условии, что заявительница для целей ст. 1 по-прежнему могла считаться юридическим собственником земли. Суд нашел, что она могла считаться таковой и что конституционный «закон», принятый «Турецкой Республикой Северный Кипр», который имел целью лишить ее титула на ее собственность, не мог считаться действительным законом.

Суд далее определил, что заявительнице начиная с 1974 г. было отказано в праве доступа к земле, она фактически полностью утратила над ней контроль, равно как и возможность пользоваться собственностью. Это не было лишением собственности или контролем за ее использованием при исключительных обстоятельствах. Вопрос должен рассматриваться в рамках первой нормы ст. 1: (это было вмешательство в беспрепятственное пользование ее имуществом). Суд заметил, что фактическая невозможность осуществления этого права является таким же нарушением Конвенции, как и препятствие юридического характера. Турецкое правительство не пыталось привести аргументы, оправдывающие обжалуемое вмешательство, и потому нарушение ст. 1 Протокола №1 имело место.

Применение гарантий права собственности в отношениях между частными лицами

Ясно, что применение гарантий права собственности, предусмотренных в ст. 1 Протокола №1, не ограничивается случаями вмешательства в право собственности, связанное с передачей каких-либо выгод государству. Эту статью можно применять в отношении мер, предпринимаемых государством (или органом государства), которые влияют на права собственности личности тем, что передают их другому частному лицу или иным образом создают выгоду для другого лица или лиц, либо иным образом регулируют собственность лица. Например, решение Суда по делу *Джеймс против Соединенного Королевства*⁸⁰, предметом которого было законодательство, позволявшее

⁷⁹ А 260-В (1993 г.).

арендаторам-жильцам приобретать у домовладельцев права владения собственностью, на которой они проживали. Также заявления №№ 8588/1979, 8589/79 «*Брэймлид и Мальстром против Швеции*»⁸¹, относящиеся к законодательству, регулирующему отношения между акционерами и компанией.

⁸⁰ А 98 (1986 г.).

⁸¹ (1982 г.).

ОБЪЕМ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Часть 1 ст. 1 Протокола №1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) говорит о том, что *«каждое физическое и юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом»*. В данном положении, во-первых, намечен круг субъектов права собственности, во-вторых, круг объектов права собственности.

Субъектами права собственности по смыслу указанной нормы являются любые лица: физические – российские и иностранные; юридические (российские и иностранные); органы российского (федеральные органы власти и органы власти субъектов Российской Федерации) или иностранного государства; органы местного самоуправления России или иностранного государства. Данный перечень субъектов следует из содержания ст. 212 ГК РФ. Однако необходимо отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 1205 ГК РФ от 26.11.2001 г. право собственности на движимое и недвижимое имущество иностранных физических и юридических лиц определяется по праву страны места нахождения имущества. В этой связи, физические и юридические лица иностранного государства владеют, пользуются и распоряжаются имуществом на территории Российской Федерации в соответствии с российским законодательством.

Подобным образом решается вопрос о государстве участнике отношений собственности (в лице его органов и должностных лиц, созданных в соответствии с национальным законодательством). В соответствии со ст. 124 ГК РФ, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, а также муниципальные образования участвуют в гражданско-правовых отношениях «на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами»⁸². Эти положения свидетельствуют, что участниками правоотношений собственности может выступать государства, субъекты федеративного государства и муниципальные образования.

Норма ч. 1 ст. 1 Протокола 1 отмечает, что субъект права собственности на имущество обладает *беспрепятственным правом пользоваться им*. Данное положение определяет пределы права собственности на имущество. В соответствии с ч. 2 ст. 209 ГК РФ «Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым

⁸² Гражданский кодекс Российской Федерации. М., 1994. С., 77.

актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц...». Здесь налицо два важных обстоятельства: во-первых, рассматриваемая норма ГК РФ предоставляет право усмотрения собственнику имущества, т. е. «самому решать, что делать с принадлежащим имуществом, руководствуясь исключительно собственными интересами»⁸³ и, во-вторых, право совершать в отношении этого имущества любые действия. Вместе с тем, необходимо отметить, что право не может абсолютизировать данное положение, а под «любыми действиями» понимаются действия, признаваемые российским правом в качестве законных, отвечающих его требованиям. Часть 2 ст. 209 ГК РФ приводит примерный перечень действий, которые могут быть совершены с имуществом: «отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом»⁸⁴.

Приведенная норма, а также норма ч. 1 ст. 1 Протокола 1 оперирует при характеристике указанного права категорией «имущество», которое имеет в гражданском праве достаточно широкое распространение.

Понятие «вещь» для гражданского законодательства всегда имело и будет иметь принципиальное значение в силу органической связи вещей с важнейшей составляющей частью предмета гражданского права – имущественными отношениями (п. 1 ст. 2 ГК РФ). «Несмотря на то, что определения вещи Гражданский кодекс не имеет, его содержание позволяет усматривать непосредственные корреляции между понятиями «объекты гражданских прав», «имущество» и «вещи»⁸⁵. Так, российское гражданское право широко применяет категорию «вещь». В статье 128 ГК РФ сказано, что «к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество...». *В современной науке гражданского права выработано не так много определений вещей, которые можно было бы принять в качестве рабочих. Так, А.П. Сергеев понимает под вещами «данные природой и созданные человеком ценности материального мира, выступающие в качестве объектов гражданских прав»⁸⁶. Помнению же Е.А. Сухон-*

⁸³ Комментарий Гражданского кодекса Российской Федерации. /Под ред. М.И. Брагинского. М., 1995. С. 270.

⁸⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. М., 1994. С. 112.

⁸⁵ С. Зинченко, В. Лапач. Правовой статус имущества как объекта гражданских прав. // Хозяйство и право. Приложение к ежемесячному журналу для деловых людей. 2000. №8. С. 7.

⁸⁶ Гражданское право. Учебник. Ч.1 Изд. 2 /Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1996. – С. 196.

ея, вещами признаются материальные, физически осязаемые объекты, имеющие экономическую форму товара⁸⁷. Последняя точка зрения исходит из того, что вещи являются (должны являться) результатами труда, имеющими в силу этого определенную материальную (экономическую) ценность, а исключением из данного правила следует считать землю и иные природоресурсовые объекты⁸⁸.

Более развернутая дефиниция предложена В.А. Пантелеенко: вещи – это существующие независимо от субъекта, пространственно ограниченные предметы и явления материального мира как в их естественном состоянии, так и приспособленные человеком к его потребностям, признаваемые объективным правом в качестве объекта субъективных прав, в том числе некоторые виды энергии, освоенной человеком (атомная, лучевая, электрическая, тепловая и т.д.)⁸⁹.

Встает вопрос, каково соотношение терминов «вещь» и «имущество» в гражданском законодательстве Российской Федерации? Ответ на указанный вопрос позволит нам раскрыть содержание термина “имущество”, используемого ч. 1 ст. 1 Протокола.

Понятие имущества, как объекта права собственности, так же недостаточно определено в российском законодательстве. Однако в научном обороте оно широко известно и активно применяется на практике. Имущество следует понимать в широком и узком смысле. Под имуществом в узком смысле понимается совокупность вещей, а в широком – права требования и долги, или гражданско-правовые обязанности⁹⁰. Иной подход изложен в Комментарий к ГК РФ под редакцией М.И. Брагинского. Авторы главы шестой указанной работы отмечают, что «помимо вещей и прав на вещи, имуществом ст. 128 ГК РФ называет еще три самостоятельных вида объектов...»⁹¹. В.А. Дозорцев отмечает, что «следует достаточно четко различать имущество как родовую категорию и объекты права собственности как одну из ее разновидностей... Прозвонение

⁸⁷ Гражданское право. Учебник. В 2-х т. Т. 1. /Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 1998. С. 301. Складский К.И. Собственность в гражданском праве. М., 2000. С. 428.

⁸⁸ С. Зинченко, В. Лапач. Правовой статус имущества как объекта гражданских прав. // Хозяйство и право. Приложение к ежемесячному журналу для деловых людей. 2000. №8. С. 7.

⁸⁹ Гражданское право России. Учебник. Часть первая. /Под ред. З.И. Цыбуленко, М., 1998. С. 134.

⁹⁰ Щенникова Л.В. Вещные права в гражданском праве России. Учебное пособие., М., 1996. С. 4. Подобный подход излагается в работе: Юридическая энциклопедия. / Под общ. ред. Тихомирова М.Ю., М., 1997. С. 179 и другие.

⁹¹ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. /Под ред. М.И. Брагинского, М., 1995. С. 203.

объектом права собственности обязательственных прав и обязанностей или даже распространение на них в какой-то части правового режима объекта права собственности безусловно ошибочно и способно вызвать лишь недоразумения на практике. Понятие «имущества» включает в себя все виды материальных ценностей, как вещные, так и обязательственные права, оно представляет собой очень широкую категорию. А право собственности составляет только часть вещных прав, оно неизмеримо уже всех имущественных прав, хотя и составляет их ядро⁹².

Приведенные подходы позволяют отметить, что соотношение понятий «вещь» и «имущество» в российском гражданском праве представляет собой соотношение единичного и общего, т. е. имущество – это совокупность вещей (узкий подход понимания категории «имущество»). Однако применение узкого подхода в понимании имущества обедняет указанную категорию, ведь имущество в гражданском праве обладает определенным режимом – режимом активного и пассивного имущества. Как справедливо отмечала Л.В. Щенникова «имущество в активе – это то, чем вы владеете или «держите в руках» на законном основании, а также то, что вы можете потребовать сделать от своих контрагентов. Имущество в пассиве – это то, чем вы владеете, но должны отдать, а также то, что вы должны сделать для других»⁹³. Указанное положение свидетельствует, что под имуществом понимаются вещи, деньги, ценные бумаги, иное имущество не изъятое из оборота, в том числе имущественные права; работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность) (ст. 128 ГК РФ).

В современном российском гражданском праве важное практическое значение приобретает деление имущества на движимое и недвижимое, поскольку предполагает различные правовые режимы для указанных видов собственности. В отличие от движимого имущества режим недвижимого имущества предполагает вмешательство государства в ука-

⁹² Дозорцев В.А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе. /В кн. Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. практика. /Сборник памяти С.А. Хохлова. /Отв. ред. А.Л. Маковский; Исследовательский центр частного права. М., 1998. С.232-233.

⁹³ Щенникова Л.В. Вещные права в гражданском праве России. Учебное пособие. М., 1996. С.4. По мнению Скловского К.И. вопрос о понятии имущества является в науке гражданского права достаточно спорным. Он считает, что «под имуществом следует понимать не вещи, а совокупность прав на вещь (например, когда имеются в виду только активы), а еще чаще – совокупность прав и обязанностей». Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М., 2000. С. 433.

занную сферу. Как справедливо отмечала О. Козырева «в качестве полноценного объекта гражданских прав недвижимое имущество стало возвращаться в российский гражданский оборот с начала 90-х годов. Основу правового регулирования недвижимости составил в первую очередь нормы части первой ГК России, которые в настоящее время получают развитие в иных нормативных актах. Эти акты относятся как к сфере частного права, так и к праву публичному»⁹⁴. Значение публично-правовых норм для режима недвижимого имущества определено в ст. 131 ГК РФ, которая устанавливает порядок регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в соответствии с Федеральным законом от 21.07.97 г. «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (далее закон о государственной регистрации прав)⁹⁵. В основе разделения имущества на движимое и недвижимое лежит традиционный для российского права критерий физических, природных свойств вещи, выражающийся в способности или неспособности вещи к перемещению, критерий прочности связи с землей или в соответствии с прямым указанием закона (воздушные или морские суда). С. Зинченко, В. Лапач отмечали, что «необходимо более последовательно проводить разграничение между понятиями «недвижимого имущества» и «недвижимости». Последнее в законодательстве употребляется в двух смыслах. Во-первых, как обобщение для любых недвижимых вещей, в отношении которых требуется регистрация права собственности и других вещных прав, ограничений этих прав, их возникновения, перехода и прекращения (ст. 131 ГК РФ). Во-вторых, под недвижимостью понимаются комплексы, специально указанные в законе: *кондоминиум* как единый комплекс недвижимого имущества (ст. 1 Федерального закона «О товариществах собственников жилья», ст. 1 закона о государственной регистрации прав) и *предприятие* как имущественный комплекс (ст. 132 ГК РФ, ст. 1 закона о государственной регистрации прав)⁹⁶. Выделение имущественных комплексов как особых видов недвижимого имущества имеет важное практическое значение для деятельности налоговых органов, органов государственной регистрации прав на недвижимое имущество, наследственных правоотношений. Данный вид недвижимого имущества приобретает особое значение для уяснения по-

⁹⁴ Козырева О. Понятие недвижимого имущества в российском гражданском праве. Сделки с недвижимостью. // Закон, 1999. №4. С.18.

⁹⁵ Собрание законодательства, 1997. №30. Ст.3594.

⁹⁶ С. Зинченко, В. Лапач. Правовой статус имущества как объекта гражданских прав. // Хозяйство и право. Приложение к ежемесячному журналу для деловых людей. 2000. №8. С. 29-30.

ложений ч. 2 ст. 1 Протокола №1 в части обеспечения уплаты налогов, сборов или штрафов.

Таким образом, имущество в смысле ч. 1 ст. 1 Протокола №1 означает совокупность вещей и прав на вещи (широкий подход в понимании имущества). Указанный подход значительно обогащает содержание права собственности, реально отражает складывающиеся отношения в сфере собственности в Российской Федерации.

Гарантии и ограничения права собственности

Вторая норма ч. 1 ст. 1 Протокола гласит, что *«никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права»*. Центральное место в указанной норме занимает положение, гарантирующее право собственности – *«никто не может быть лишен своего имущества, ...»*.

Приведенные положения в полной мере соответствуют и актам, принятым в рамках государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Так, ст. 26 Конвенции СНГ от 26 мая 1995 г. о правах и основных свободах человека⁹⁷ предусматривает, что *«каждое физическое или юридическое лицо имеет право на собственность. Никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в общественных интересах, в судебном порядке и при соблюдении условий, предусмотренных национальным законодательством и общепризнанными принципами международного права. Вышеизложенные положения, однако, никоим образом не затрагивают права Договаривающейся Стороны принимать такие законы, которые она считает необходимыми для контроля над использованием предметов, изъятых из общего оборота в государственных и общественных интересах»*⁹⁸. Приведенные положения конвенции СНГ предусматривают возможность лишения права собственности на основании судебного решения. Подобное положение в полной мере соответствует норме ч. 1 ст. 1 Протокола №1, которая подразумевает подобную возможность лишения права собственности.

Указанное положение Протокола №1 является нормой-гарантией защиты прав собственников имущества. Она находит развитие в ст. 17 Конституции РФ, где указывается, что *«в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно*

⁹⁷ Российская газета, 1995. 23 июня.

⁹⁸ Российская газета, 1995. 23 июня.

общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией», а также в ч. 2 и 3 ст. 35 Конституции РФ, где отмечается, что «каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения». В данном положении заложен целый комплекс гарантий: правовые, политические, культурные и материальные⁹⁹. Центральное место занимают правовые и материальные гарантии права собственности.

Данные конституционные положения находят свое развитие и в российском гражданском законодательстве, и судебной практике. Часть 1 ст. 1 ГК РФ провозглашает принцип неприкосновенности собственности. В полном соответствии с приведенными нормами ст. 242 ГК РФ указывает, что *реквизиция* – изъятие в интересах общества имущества по решению государственных органов с выплатой собственнику его стоимости – может осуществляться только при стихийных бедствиях, авариях, эпидемиях, эпизоотиях и других обстоятельствах, которые имеют чрезвычайный характер. Установлен строго определенный круг оснований для *выкупа различных видов имущества государством у собственника*. Имеются в виду культурные ценности, отнесенные в соответствии с законом к особо ценным и охраняемым государством, в случаях бесхозяйственного их содержания собственником (ст. 240 ГК РФ). *Принудительная продажа* государством допускается также в отношении имущества, которое в соответствии с законом не может принадлежать собственнику, если собственник сам в установленный законом срок его не продал (ст. 238 ГК РФ). При определенных условиях, указанных в п. 1 ст. 239 ГК РФ, могут быть изъяты у собственника для государственных и муниципальных нужд вместе с принадлежащим ему земельным участком находящиеся на нем здания, сооружения или другое недвижимое имущество путем выкупа государством или продажи в установленном порядке с публичных торгов. Или, если собственник домашнего животного обращается с ним в явном противоречии с установленными на основании закона правилами и принятыми в обществе нормами гуманного обращения с животными, возможен принудительный их выкуп лицом, заявившим такое требование (ст. 241 ГК РФ).

⁹⁹ Подобная система гарантий законности изложена в работе – Общая теория права. Учебник. 2-е изд., переработ. и доп. /Под ред. А.С.Пиголкина. М., 1996. С. 256-257.

Европейский Суд по правам человека рассмотрел дело Папамихалопулоса и других против Греции от 24 июня 1993 г.¹⁰⁰, в котором был рассмотрен вопрос об экспроприации земельного участка для государственных, а именно для интересов обороны. Краткая фабула дела такова. По Закону от 20 августа 1967 г., принятому спустя несколько месяцев после установления в стране военной диктатуры, греческое государство передало Фонду Военно-морских сил большой участок земли в Аттике неподалеку от пляжа Агия Марина, но обнаружилось, что часть переданной земли состояла из земельных угодий, принадлежавших 14-ти заявителям или их наследникам. В 1968 г. трое из заявителей добились разрешения на возврат своего имущества, но Военно-морские силы удержали в своем владении всю землю, на которой они построили военно-морскую базу и курорт для отдыха морских офицеров. В 1976 г. отец двоих заявителей добился судебного решения, подтвержденного Кассационным судом в 1978 г., которое признавало его собственником части земли, но его попытки реально вернуть землю были безуспешными.

В 1980 г. министр обороны информировал заявителей, что ввиду строительства военно-морской базы реституция земли невозможна, но что принимаются меры по предоставлению им других участков земли в Аттике. В 1982 г. комиссия экспертов из Министерства сельского хозяйства определила такие участки, но передача их не состоялась. Впоследствии, используя процедуру, установленную Законом №1341/1983 «О передаче земельного участка Фонду Военно-морских сил», с целью возможно более быстрого решения проблемы, возникшей в 1967 г., заявители добились решения комиссии по проблемам экспроприации. Это решение было утверждено в последней инстанции Кассационным судом в 1988 г. и признавало право собственности заявителей на сельскохозяйственные земли в Агия Марина. Тем временем Министерство сельского хозяйства уже проинформировало их о том, что земли в Аттике нет, и что вместо этого им предлагают землю в префектуре Прерия, в 450 кл. от территории, занятой Военно-морскими силами. Однако на момент доклада Комиссии передача земли еще не состоялась, поскольку земли, принадлежащей государству, не было в наличии. Два иска о vindикации спорных земель и несколько исков о возмещении убытков, возбужденных заявителями против Военно-морского флота и государства, также находились на тот момент в стадии рассмотрения.

Согласно жалобе заявителей незаконное завладение Фондом Военно-морских сил их землей с 1967 г. противоречит статье 1 Протокола №1.

¹⁰⁰ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т.1.М., 2000. С. 820-823.

Правительство Греции отвергло эту жалобу, но Комиссия согласилась с заявителями. Правительство оспаривало, что заявители, кроме наследников господина Петроса Папамихалопулоса, имели статус собственников, поскольку «это не признано ни в одном судебном решении, а судебное разбирательство, начатое заявителями в 1977 г., еще не закончилось. Правительство сочло, что заявители сами несут ответственность за эту задержку, поскольку отказались способствовать подготовке экспертного заключения, предписанного судом в 1979 г. Суд не разделил эту точку зрения. Указав, что линия поведения властей в 1980 г. и особенно принятие Закона №1341/1983 «О передаче земельного участка Фонду Военно-морских сил» вместе с решением второй Афинской комиссии по проблемам экспроприации свидетельствуют в пользу утверждений заявителей. В целях разрешения данного спора заявителей следует считать собственниками спорных участков».

Нарушение, которое, как полагают заявители, имело место, началось в 1967 г. с принятием Закона №109/1967 «О передаче земельного участка Фонду Военно-морских сил». К тому времени Греция ратифицировала Конвенцию и Протокол №1, и они вступили в силу в отношении Греции 3 сентября 1953 г. и 18 мая 1954 г. соответственно. Греция денонсировала их 12 декабря 1969 г. с вступлением денонсации в силу 13 июня 1970 г. (согласно ст. 65 п. 1 Конвенции), что не освобождало Грецию от своих обязательств по Конвенции и Протоколу 1 «в отношении любого действия, которое могло явиться нарушением таких обязательств и могло быть совершено ею до даты вступления денонсации в силу» (ст. 65 п. 2). Греция вновь ратифицировала Конвенцию и Протокол №1 28 ноября 1974 г. после падения военной диктатуры, установленной в апреле 1967 г. в результате военного переворота.

Греция до 20 ноября 1985 г. не признавала компетенцию Комиссии принимать «индивидуальные» жалобы (согласно ст. 25), и это стало возможным лишь применительно к актам, решениям, фактам или событиям, состоявшимся после этой даты. Однако по этому поводу Правительство не выдвинуло никаких предварительных возражений, а Суд не должен рассматривать данный вопрос *ex officio*. Суд просто отметил, что жалобы заявителей относятся к ситуации, которая возникла давно и остается неизменной и в настоящее время.

Завладение спорной земельной собственностью Фондом Военно-морских сил представляет собой явное вмешательство во осуществление заявителями права беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Это вмешательство было совершено не с целью осуществления контроля за использованием собственности по смыслу п. 2 ст. 1 Протокола №1. Более того,

формально экспроприация земельной собственности у заявителей не была произведена: по Закону №109/1967 «О передаче земельного участка Фонду Военно-морских сил» земля, о которой идет речь, не была передана в собственность Фонда Военно-морских сил.

Поскольку целью Конвенции является защита реальных, конкретных прав, необходимо установить, означала или нет ситуация экспроприацию *de facto*, как это утверждали заявители (см. среди прочих источников судебное решение по делу Спорронг и Лоннротт против Швеции от 23 сентября 1982 г.¹⁰¹).

С момента принятия закона в 1967 г. «О передаче земельного участка Фонду Военно-морских сил» заявители не могли ни пользоваться своей собственностью, ни продать ее, ни завещать, ни заложить или подарить.

Суд отмечает, однако, что еще в 1969 г. власти обратили внимание Военно-морских сил на тот факт, что они не вправе использовать эту часть земли. После восстановления демократии власти искали способы возместить ущерб, причиненный заявителям. Так, в 1980 г. они предлагали если не возврат земли, то, по меньшей мере, ее обмен на другие равноценные участки. Эта инициатива привела к принятию Закона №1341/1983, который был направлен на скорейшее решение проблемы, возникшей в 1967 г. Однако реально проблема заявителей решена не была.

Суд считает, что полная утрата возможности распоряжаться спорной землей в совокупности с неудачей предпринятых до настоящего времени попыток исправить обжалуемую ситуацию повлекли за собой достаточно серьезные последствия для заявителей, *de facto* подвергшихся экспроприации способом, не совместимым с их правом беспрепятственно распоряжаться своим имуществом.

Суд приходит к выводу, что имело и продолжает иметь место нарушение статьи I Протокола №1¹⁰².

¹⁰¹ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М., 2000. С. 395-406.

¹⁰² Европейский Суд по правам человека. Избранное решение. Т. 1. М., 2000. С. 820-823.

Комментарий
к решению Европейского Суда
по правам человека

В указанном деле возникла ситуация, характерная для многих государств, когда экспроприация личной собственности лица, осуществляемая в интересах государства и общества, происходит без справедливой компенсации. Требование обязательной компенсации за экспроприацию имущества в интересах государства и общества закреплено в ряде правовых актов Российской Федерации. Так, ст. 242 ГК РФ содержит норму о реквизиции, в которой предусмотрено, что «в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, имущество в интересах общества по решению государственных органов может быть изъято у собственника в порядке и на условиях, установленных законом, с выплатой ему стоимости имущества (реквизиция)»¹⁰³. Статья 8 Федерального закона от 9 июля 1999 г. «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»¹⁰⁴ закрепляет положение о том, что «имущество иностранного инвестора или коммерческой организации с иностранными инвестициями не подлежит принудительному изъятию, в том числе национализации, реквизиции, за исключением случаев и по основаниям, которые установлены федеральным законом Российской Федерации или международным договором, стороной которого является Российской Федерации. При реквизиции иностранному инвестору или коммерческой организации с иностранными инвестициями выплачивается стоимость реквизируемого имущества. При прекращении действия обстоятельств, в связи с которыми произведена реквизиция, иностранный инвестор или коммерческая организация с иностранными инвестициями вправе требовать в судебном порядке возврата сохранившегося имущества, но при этом обязаны возратить полученную ими сумму компенсации с учетом потерь от снижения стоимости имущества. При национализации иностранному инвестору или коммерческой организации с иностранными инвестициями возмещаются стоимость национализированного имущества и другие убытки»¹⁰⁵.

Подобного рода положения содержатся и в международно-правовых соглашениях посвященных поощрению и защите иностранных ин-

¹⁰³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. М., 1994. С. 128-129.

¹⁰⁴ Собрание законодательства РФ, 1999. №28. Ст. 3493.

¹⁰⁵ Собрание законодательства РФ, 1999. №28. Ст. 3493.

вестиций. Так, ст. 5 Соглашения заключенного Правительствами Российской Федерации и Румынии о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 29 сентября 1993 г., предусматривает, что «капиталовложения инвесторов одной из Договаривающихся Сторон не будут подвергаться на территории другой Договаривающейся Стороны экспроприации, национализации или иным мерам, имеющим аналогичные последствия, за исключением случаев, когда такие меры принимаются в общественных интересах, в установленном законодательством порядке, не являются дискриминационными и сопровождаются выплатой быстрой, адекватной и эффективной компенсации. Компенсация должна соответствовать рыночной стоимости экспроприированных капиталовложений непосредственно до момента, когда официально стало известно об экспроприации. До момента выплаты на сумму компенсации будут начисляться проценты согласно процентной ставке той Договаривающейся Стороны, на территории которой были осуществлены капиталовложения»¹⁰⁶. Подобного рода положения содержатся и в других соглашениях, заключенных Российской Федерацией по вопросам поощрения и защиты капиталовложений (инвестиций)¹⁰⁷.

Среди многосторонних соглашений, предусматривающих защиту прав собственников имущества в случае национализации, реквизиции, необходимо выделить Московскую конвенцию СНГ о защите прав инвесторов от 28 марта 1997 г.¹⁰⁸, ст. 9 которой отмечает, что «инвестиции не подлежат национализации и не могут быть подвергнуты реквизиции, кроме исключительных случаев (стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и иных обстоятельств, носящих чрезвычайный характер), предусмотренных национальным законодательством Сторон, когда эти меры принимаются в общественных интересах, предусмотренных Основным законом (Конституцией) страны - реципиента. Национализация или реквизиция не могут быть осуществлены без выплаты инвестору адекватной компенсации. Решения о национализации или реквизиции инвестиций принимаются в порядке, установленном национальным законодательством страны - реципиента. Решения государственных органов о национализации или реквизиции

¹⁰⁶ Международно-правовые основы иностранных инвестиций. Сборник нормативных актов и документов. М., 1995. С. 121.

¹⁰⁷ См.: Международно-правовые основы иностранных инвестиций. Сборник нормативных актов и документов. М., 1995.

¹⁰⁸ Международное частное право. Сборник международно-правовых конвенций. Часть 2. Краснодар, 1998. С. 55-59.
актов и документов. М., 1995. С. 197.

инвестиций могут быть обжалованы в порядке, установленном национальным законодательством страны - реципиента. Инвестор имеет право на возмещение ущерба, причиненного ему решениями и действиями (бездействием) государственных органов либо должностных лиц, противоречащими законодательству страны - реципиента и нормам международного права»¹⁰⁹.

Среди универсальных международных договоров о защите прав инвесторов необходимо выделить Сеульскую конвенцию 1985 г. об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций¹¹⁰.

Не менее интересным представляется *дело Греческих Нефтеперерабатывающих заводов «Стрэн» и Стратиса Андреадиса против Греции*, рассмотренное Европейским судом по правам человека 9 декабря 1994 г. Суть дела такова. В соответствии с контрактом, заключенным 22 июля 1972 г. между греческим государством и г-ном Андреадисом, последний взял на себя обязательство построить и через компанию, которая будет создана впоследствии, управлять нефтеперерабатывающим заводом в Мегаре. Государство обязалось приобрести землю для строительства завода и ратифицировало контракт декретом, опубликованным в «Официальной газете»; тем не менее, государство не выполнило своего обязательства.

14 октября 1977 г. Правительство прекратило действие контракта в соответствии с Законом №141/1975 «О прекращении действия преференциальных контрактов», заключенных во время пребывания у власти военного режима. Компания «Стрэн» подала иск в Суд большой инстанции г. Афин с требованием оплатить понесенные затраты. Государство оспорило компетенцию суда, и дело перешло в арбитраж, разбирательство в котором было завершено 27 февраля 1984 г. решением в пользу заявителей. В арбитражном решении говорилось, что претензии компании «Стрэн» в определенной сумме являются вполне обоснованными.

2 мая 1985 г. государство оспорило это решение в Суде большой инстанции г. Афин на основании того, что арбитражная оговорка в контракте была аннулирована, и что, следовательно, арбитражное решение не имело юридической силы. Суд большой инстанции и впоследствии, 4 ноября 1986 г., Апелляционный суд г. Афин вынесли решение против государства.

¹⁰⁹ Международное частное право. Сборник международно-правовых конвенций. Часть 2. Краснодар, 1998. С. 57.

¹¹⁰ Международно-правовые основы иностранных инвестиций. Сборник нормативных

25 мая 1987 г., когда дело ожидало рассмотрения в Кассационном суде, и после того, как судья-докладчик уже направил сторонам свое заключение, которое также было в пользу истцов, Парламент принял Закон №1701/1987, который предусматривал, что все оговорки, включая арбитражные, в преференциальных контрактах, заключенных во время военного режима, отменяются и арбитражные решения теряют силу; законом также предусматривалось, что все претензии, возникающие в результате прекращения действия этих контрактов, подпадают под действие истечения срока давности.

16 марта 1989 г. Кассационный суд в полном составе признал Закон №1701/1987 конституционным. Решением от 11 апреля 1990 г. первое отделение Кассационного суда аннулировало решение Апелляционного суда от 4 ноября 1986 г.

Европейский суд по правам человека в своем решении единогласно признал, что греческими судами была нарушена ст. 1 Протокола №1.

Заявители утверждали, что они являются жертвами нарушения ст. 1 Протокола №1. В представлении заявителей принятие и применение ст. 12 Закона №1701/1987 лишило их права собственности, в частности, в отношении сумм, присужденных им решением №13910/79 Суда большой инстанции г. Афин и особенно арбитражным решением от 27 февраля 1984 г.

Основные доводы Правительства Греции сводятся к тому, что никакое «имущество» истцов, подпадающее под действие ст. 1 Протокола №1, не стало объектом вмешательства в связи с юридическими последствиями принятия Закона №1701/1987.

Из представления, сделанного заявителями, следовало, что хотя собственность не была передана государству, следствием ч. ч. 2 и 3 ст. 12 Закона №1701/1987 было лишение их имущества de facto, поскольку оказалось отмененным окончательное и обязательное арбитражное решение в их пользу. Суд считает, что это является нарушением права беспрепятственно пользоваться своим имуществом, предусмотренного в абз. 1 ст. 1 Протокола №1.

Правительство не согласилось с этим. Оно утверждало, что ч. 2 ст. 12 говорит лишь о последствиях ч. 1 и не имеет самостоятельного значения. В этой связи Правительство ссылалось на свои доводы относительно ст. 6 Конвенции. Правительство также заявило, что ч. 3 вводила меру, конституционность которой не была проверена внутренними судами, рассматривавшими иск заявителей, и что при необходимости можно было предъявить новый иск, если отказ заявителей от первого иска приводил к его прекращению. Однако в последнем случае заявители столкнулись бы с проблемой не исчерпания внутренних средств защиты.

Суд решил, что имелось вмешательство в право собственности заявителей, как оно гарантируется ст. 1 Протокола №1. Согласно ч. 2 ст. 12 Закона №1701/1987 арбитражное решение становилось недействительным и не имеющим обязательной силы. Параграф 3 предусматривал, что любая претензия к государству на основании контрактов, подобных тому, какой был заключен заявителями, не может быть предметом обращения в суд. По общему признанию, Кассационный суд оставил открытым вопрос о конституционности ч. 3, и заявители теоретически имеют возможность, как утверждает Правительство, добиваться решения по иску 1978 г. или подать новый иск. Однако перспективы на успех такого шага кажутся минимальными. Действительно, возникает вопрос, пошел бы Суд большой инстанции на то, чтобы считать этот пункт неконституционным, исходя из общих положений Конституции, в свете решения пленума Кассационного суда от 16 марта 1989 г. относительно ч. 1 и 2 ст. 12. Как это решение, так и решение Кассационного суда от 11 апреля 1990 г. прекратили раз и навсегда судебные разбирательства, о которых идет речь, что было целью законодателя при принятии ст. 12. Об этом можно судить по ч. 4, предназначенному положить конец единственному спору такого рода, находившемуся на рассмотрении в судах в то время, а именно спору между заявителями и государством, а также по ч. 3, предназначенному исключить любой такой иск на будущее.

Из этого следует, что заявители не могли добиться выполнения арбитражного решения, в соответствии с которым государство было обязано выплатить указанные суммы в возмещение затрат, понесенных заявителями при исполнении своих договорных обязательств; заявители также не могли предпринять дальнейшие шаги для получения причитающихся им сумм через суды.

Следовательно, имело место вмешательство в право собственности заявителей¹¹¹.

¹¹¹ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000. С. 54-55, 61-63.

**Комментарий
к решению Европейского Суда
по правам человека**

Из положений приведенного решения видно, что рассматриваемое вмешательство не было ни конфискацией, ни мерой по контролю над использованием собственности; оно подпадает под действие ч. 1 ст. 1 Протокола №1, предусматривающего что «каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права». «Поэтому Суд должен определить, было ли установлено справедливое равновесие между требованиями защиты интересов общества и требованиями защиты основных прав человека»¹¹². Суд считал, что «демократическому греческому государству было необходимо прекратить действие контракта, который, как он считал, наносит экономической ущерб. Согласно практике международных и третейских судов любое государство, несомненно, имеет суверенное право вносить поправки или даже прекращать действие контракта, заключенного с частными лицами, при условии возмещения материальных потерь. Это свидетельствует как о признании того, что интересы государства имеют приоритет по отношению к договорным обязательствам, так и о необходимости сохранять справедливое равновесие в договорных отношениях. Приняв на стадии слушания дела в Кассационном суде решение вмешаться, что бы прекратить с помощью закона действие контракта, объявив недействительной арбитражную оговорку и отменить арбитражное решение от 27 февраля 1984 г., законодатель нарушил в ущерб заявителям равновесие, которое должно соблюдаться между защитой права собственности и требованиям публичного интереса»¹¹³.

Подобного рода решения, связанные с незаконным ограничением права собственности, предусмотренного во второй норме ч. 1 ст. 1 Протокола №1, имеют и в практике Конституционного Суда РФ.

В Конституционный Суд РФ с ходатайством о разъяснении Постановления Конституционного Суда РФ от 14 мая 1999 г. по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 380 Таможенного кодекса РФ (далее – ТК РФ) от имени Государственного таможенного комитета РФ обратился Председатель Государственного таможенного

¹¹² Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000. С. 63.

¹¹³ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000. С. 64-65.

комитета РФ М.В. Ванин. Как следует из ходатайства о толковании правоприменители неоднозначно толкуют указанное постановление.

Давая толкование Постановления Конституционного Суда РФ от 14 мая 1999 г., Конституционный Суд РФ в своем определении от 27 ноября 2001 г. указал, что положение ч. 1 ст. 380 ТК РФ, согласно которому конфискация товаров, транспортных средств и предметов производится независимо от того, являются ли они собственностью лица совершившего нарушение таможенных правил, а также независимо от того, установлено это лицо или нет, Постановлением Конституционного Суда РФ от 14 мая 1999 г.¹¹⁴ также признано соответствующим Конституции РФ.

При этом Конституционный Суд РФ исходил из того, конфискация товаров и транспортных средств, по смыслу данного положения в системе норм ТК РФ (разд. X «Нарушение таможенных правил и ответственность за эти нарушения. Производство по делам о нарушениях таможенных правил и их рассмотрение»), выступает в качестве санкции за таможенное правонарушение. Такая мера административной ответственности применяется независимо от того, кем является правонарушитель (лицо, незаконно перемещающее товары и транспортные средства либо совершающее в отношении них иные деяния с нарушением правил, предусматривающих в качестве меры административной ответственности конфискацию) — собственником товаров и транспортных средств, покупателем, владельцем либо выступает в ином качестве, достаточном в соответствии с законодательством для совершения с ними действий от своего имени, а также независимо от того, установлено лицо, совершившее таможенное правонарушение, или нет. В противном случае организаторы незаконного перемещения товаров и транспортных средств получили бы возможность переложить всю ответственность на неплатежеспособных лиц или лиц, проживающих за границей, что подрывало бы правопорядок в сфере таможенного регулирования и несовместимо с его целями и задачами.

Следовательно, положение ч. 1 ст. 380 ТК РФ не может быть истолковано как предусматривающее возможность конфискации товаров и транспортных средств, ввезенных с нарушением таможенных правил, у лиц, которые приобрели их в ходе оборота на территории Российской Федерации (при том, что такое имущество не подлежит конфискации или обращению в собственность государства иным образом согласно правовым предписа-

¹¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.99 г. N 8-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 380 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Сибирское агентство «Экспресс» и гражданина С.И. Тененева, а также жалобой фирмы «Y.& G.Reliable Services, Inc.» // Российская газета. 1999. 1 июня.

ниям в случае запрета федеральным законом или международным договором Российской Федерации ввоза, вывоза или оборота на территории Российской Федерации либо ограничения совершения в отношении него указанных действий), если эти лица не могли каким-либо образом влиять на соблюдение требуемых при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу таможенных формальностей, поскольку не были в тот период участниками каких-либо отношений, включая таможенные отношения, по поводу такого имущества, при том, что, приобретая его, они не знали и не должны были знать о незаконности ввоза.

Из статьи 131 во взаимосвязи со ст. 18, 30, 31, 110, 111, 117, 118, 144 и 154 ТК РФ следует, что уплата таможенных платежей как необходимое условие таможенного оформления товаров и транспортных средств, по существу, представляет собой не гражданско-правовое обязательство, а публично-правовую обязанность, лежащую на лицах, участвующих в таможенных операциях, прежде всего непосредственно на декларантах — лицах, перемещающих товары, и таможенном брокере (посреднике), декларирующим, представляющим и предъявляющим товары и транспортные средства от собственного имени.

В соответствии с ТК РФ при незаконном перемещении товаров и транспортных средств через границу Российской Федерации солидарную ответственность за уплату таможенных платежей несут также лица, которые приобрели в собственность или во владение незаконно ввезенные товары и транспортные средства, если в момент приобретения они знали или должны были знать о незаконности ввоза (ч. 8 ст. 124 ТК РФ). Поскольку такое приобретение является нарушением таможенных правил, оно влечет за собой не только ответственность, но и обязанность приобретателя уплатить таможенные платежи. Поэтому таможенные органы, действующие от имени государства, вправе изыскивать в этих случаях таможенные платежи также и с приобретателя товаров и транспортных средств.

При взыскании соответствующих сумм в установленном законодательством порядке могут применяться меры обеспечения исполнения требований таможенных органов, а также меры в рамках исполнительного производства, в том числе связанные с ограничением владения, пользования и распоряжения имуществом, имеющем обременение в части таможенных обязанностей, в частности, его изъятие (арест) как процессуальная мера обеспечения производства по делам о нарушениях норм таможенного законодательства, которая, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, может применяться и по решению таможенного органа, что не препятствует его обжалованию в суде (Постанов-

ление от 11.03.1998 г. по делу о проверке конституционности ст. 266 ТК РФ, ч. 2 ст. 85 и ст. 222 КоАП РСФСР¹¹⁵).

По смыслу ст. 131 во взаимосвязи со ст. 118, 124, 231, 320 и 364 ТК РФ, обязанность выполнить требования по таможенному оформлению товаров и транспортных средств, в том числе уплатить таможенные платежи, не может быть возложена на приобретателя, если он не относится к плательщикам, на которых такая обязанность возложена непосредственно законом, он не может привлекаться к ответственности за нарушение таможенных правил, если на момент приобретения имущества не знал и не должен был знать о незаконности его ввоза на таможенную территорию РФ.

При рассмотрении дел о нарушении таможенных правил, в которых предполагается в качестве санкции конфискация товаров и транспортных средств у приобретателя или возложение на него обязанности по уплате таможенных платежей, доказывание его вины в таком нарушении осуществляется в соответствии с таможенным законодательством с учетом Постановления Конституционного Суда РФ от 27 апреля 2001 г. по делу о проверке конституционности ряда положений ТК РФ¹¹⁶.

В частности, если приобретатель не проявил в отношениях, связанных с приобретением имущества, заведомо происходящего из-за границы, ту степень заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась в целях надлежащего соблюдения таможенного законодательства, это — в соответствии с правовыми позициями, выраженными Конституционным Судом РФ в данном Постановлении, — дает основания говорить о его вине в форме неосторожности

Вместе с тем, неосторожный приобретатель, лишившийся имущества в результате конфискации или понесший бремя расходов в результате уплаты таможенных платежей, во всяком случае может — на условиях, предусмотренных гражданским законодательством, и в порядке, установленном соответствующим процессуальным законодательством, — требовать возмещения понесенных им расходов со стороны лиц, у которых он приобрел это имущество.

Исходя из изложенного, Конституционный Суд РФ определил, что положение ч. 1 ст. 380 ТК РФ в его конституционно-правовом смысле означает, что товары и транспортные средства, ввезенные на таможенную территорию Российской Федерации с нарушением таможенных правил, предусматривающих возможность конфискации, не могут быть конфискованы у лиц, которые приобрели его в ходе оборота на территории Российс-

¹¹⁵ Российская газета. 1998. 26 марта.

¹¹⁶ Российская газета. 2001. 6 июня.

кой Федерации (при том, что такое имущество не подлежит конфискации или обращению в собственность государства иным образом, согласно правовым предписаниям, в случае запрета федеральным Законом или международным договором Российской Федерации, вывоза или оборота на территории Российской Федерации либо ограничения совершения в отношении него указанных действий), если эти лица не могли каким-либо образом влиять на соблюдение требуемых при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу таможенных формальностей, поскольку не были в тот период участниками каких-либо отношений, включая таможенные отношения, по поводу такого имущества, и если, приобретая его, они не знали и не должны были знать о незаконности ввоза.

Положение ч. 1 ст. 131 ТК РФ в его конституционно-правовом смысле, не означает, что обязанность выполнить требования по таможенному оформлению товаров и транспортных средств, в том числе по уплате таможенных платежей, не может быть возложена на лиц, которые не могли каким-либо образом влиять на соблюдение требуемых при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу таможенных формальностей, поскольку не были в тот период участниками каких-либо отношений, включая таможенные отношения, по поводу такого имущества, и если, приобретая его, они не знали и не должны были знать о незаконности ввоза.

При рассмотрении дел о нарушении таможенных правил, в которых предполагается в качестве санкции конфискация товаров и транспортных средств у приобретателя или возложение на него обязанности по уплате таможенных платежей, доказывание вины лица осуществляется в соответствии с таможенным законодательством с учетом Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2001 г. по делу о проверке конституционности ряда положений ТК РФ¹¹⁷.

Подтверждая недопустимость применения конфискации имущества в административном порядке по решению должностного лица таможенного органа, Конституционный Суд РФ в своем определении от 17 февраля 2000 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Подольского городского суда Московской области о проверке конституционности ч. 1 ст. 337 и ч. 3 ст. 379 ТК РФ» отметил, что в соответствии со ст. 320, 321 и 322 ТК РФ рассмотрение дела о нарушении таможенных правил и принятие по нему решения производится на основе оценки собранных доказательств. Часть 1 ст. 337 ТК РФ содержит предписание таможенным органам изымать товары и транспортные средства, в том числе являющиеся непосредственными объектами нарушения таможенных правил, которые

¹¹⁷ Российская газета. 2001. 6 июня.

согласно ст. 327 признаются вещественными доказательствами и сохраняются до окончательного разрешения дела. Изъятие товаров и транспортных средств как вещественных доказательств, необходимых для принятия законного и обоснованного решения по делу о нарушении таможенных правил, является мерой обеспечительного характера и, само по себе, не влечет прекращения права собственности на эти предметы. Вопрос о судьбе вещественных доказательств подлежит разрешению при вынесении постановления по делу о нарушении таможенных правил в порядке, определяемом ст. 327 ТК РФ»¹¹⁸.

Таким образом, указанное определение Конституционного Суда РФ в полной мере подтверждает положения ч. 2 ст. 1 Протокола №1, где говорится, что «предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют право государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

Важной задачей судебных органов Российской Федерации является защита права собственности, обеспечение гарантий собственникам имущества. Существует обширная судебная практика. Так, Комитет по управлению имуществом города по договору купли-продажи, заключенному в соответствии с законодательством о приватизации, продал акционерному обществу (далее – АО) нежилое помещение. АО продало помещение индивидуальному частному предприятию.

Комитет по управлению имуществом обратился в арбитражный суд с иском об истребовании у индивидуального частного предприятия нежилого помещения, ссылаясь на то, что договор купли-продажи, по которому АО приватизировало нежилое помещение, признан судом недействительным, а поэтому у АО право собственности не возникло, и оно не вправе было отчуждать помещение.

При рассмотрении дела арбитражный суд исходил из следующего.

В данном случае спорное помещение выбыло из владения собственника - Комитета по управлению имуществом по его воле на основании заключенного договора купли-продажи.

Последний приобретатель имущества - индивидуальное частное предприятие - не знал и не мог знать об отсутствии у АО права продавать

¹¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 27.11.2001 г. «Об официальном разъяснении постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.99 г. по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 380 Таможенного кодекса Российской Федерации». / Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2002. №1. С. 73-77.

нежилое помещение, так как общество представило договор купли-продажи, заключенный с Комитетом по управлению имуществом, и справку бюро технической инвентаризации о регистрации спорного здания на праве собственности за акционерным обществом.

Поэтому арбитражный суд правомерно отказал в удовлетворении исковых требований Комитета по управлению имуществом¹¹⁹.

Другое дело. В арбитражный суд обратилось общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО) с иском об устранении нарушения права собственности на нежилое помещение, не связанного с лишением владения.

Из представленных в арбитражный суд документов следовало, что спорное нежилое помещение принадлежит истцу на праве собственности. Указанное помещение соприкасается с помещением, арендуемым АО. АО установило металлическую дверь, которая на день рассмотрения спора быть замурована, и закрыла доступ в помещение ООО.

Арбитражный суд исследовал представленные истцом доказательства, подтверждающие, что вход в помещение возможен только из помещения АО.

В соответствии со ст. 304 ГК РФ собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были связаны с лишением владения.

Поэтому в данной ситуации арбитражный суд иск удовлетворил, обязав ответчика устранить имеющее место препятствие в пользовании нежилым помещением ООО²⁰.

Судебная практика Верховного Суда РФ свидетельствует об имеющихся ошибках в деятельности судов при рассмотрении дел об изъятии личной собственности для государственных и общественных нужд. Так, отменяя решение суда и кассационное определение, Президиум Тверского областного суда сослался на ошибочность выводов суда по делу, в том числе касающихся правовых последствий сноса находящихся в личной собственности граждан жилых домов в связи с изъятием земельных участков для государственных или общественных нужд. Поскольку дом гражданина Ю. фактически не был снесен, то, по мнению Президиума, возлагать на ответчика обязанность по обеспечению истцов благоустроенным жильем нельзя. Как видно из материалов дела, упомянутый земельный участок в г. Белая Холуница, был изъят и передан заводу под ком-

¹¹⁹ Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав. Приложение к письму Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 апреля 1997 г. №13. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1997. №7.

¹²⁰ Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав. Приложение к письму Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 апреля 1997 г. №13. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1997. №7.

плексную застройку решением исполкома городского Совета народных депутатов. Распоряжением исполкома Кировского областного Совета народных депутатов в связи с изъятием земельного участка разрешен снос жилых домов, принадлежащих гражданам на праве личной собственности, в том числе и названного дома. Во исполнение этого ответчик приступил к изъятию участка и сносу строений. Непосредственно у истцов была снесена баня и колодец, а участок выделен под строительство автомобильных гаражей. И хотя дом снесен не был, но использовать его по назначению истцы не могли, так как он оказался в зоне строящихся гаражей. При таких обстоятельствах, судом сделан правильный вывод о допущенном нарушении имущественных прав истцов в связи с изъятием земельного участка. Поскольку право частной собственности в силу ст. 35 Конституции РФ охраняется законом, суд обоснованно удовлетворил иск семьи Ю. в части возложения на АО «Белохолуницкий завод» обязанности по предоставлению благоустроенного жилого помещения, отвечающего требованиям жилищного законодательства, а также выплате денежной компенсации стоимости сносимых строений и устройств. Вывод Президиума областного суда о том, что правовые последствия, предусмотренные ст. 137 ЖК РСФСР, наступают только в случае сноса жилого дома, не может быть признан состоятельным, так как сделан без учета того, что собственник дома при изъятии земельного участка и фактическом использовании его под застройку был лишен возможности реального владения, пользования и распоряжения своим имуществом. При таких обстоятельствах постановление Президиума Тверского областного суда не может быть признано законным и обоснованным, а потому подлежит отмене¹²¹.

В судебной практике имеются случаи и необоснованного лишения собственника, принадлежащего ему имущества, что является недопустимым по смыслу второй нормы ч. 1 ст. 1 Протокола №1. Так, К. обратился в суд с иском к братьям Г. о разделе принадлежащей им троим на праве собственности изолированной 1/4 части домовладения (по 1/12 каждому), состоящей из двух жилых комнат размером 13,8 и 4,5 кв. м и кухни размером 6,7 кв. м. Истец сослался на то, что у него с ответчиками сложились неприязненные отношения и он лишен возможности пользоваться указанной частью домовладения. Истец просил выделить ему в натуре комнату размером 4,5 кв. м и кухню, а ответчикам - комнату размером 13,8 кв. м либо выделить ему все помещения с выплатой ответчикам денежной компенсации и с исключением их из числа сособственников.

¹²¹ Бюллетень Верховного Суда РФ, 1996. №4. С.4-5.

Братья Г. предъявили встречный иск и просили выделить им всю (1/4) часть домовладения, исключив К. из числа собственников, с выплатой ему денежной компенсации за принадлежащую ему 1/12 долю домовладения, поскольку он обеспечен жилой площадью, в доме, по поводу которого возник спор, не прописан и никогда не жил.

Решением судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда (оставленным без изменения Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ) иск К. оставлен без удовлетворения, а встречный иск братьев Г. удовлетворен: за ними закреплена в совместное пользование спорная часть домовладения, их доля в праве собственности увеличена с 1/12 до 1/8 доли за каждым, К. исключен из числа собственников и в его пользу взыскана с братьев Г. денежная компенсация за 1/12 долю права собственности в сумме 887 руб.

Президиум Верховного Суда РФ 24 февраля 1993 г. удовлетворил протест заместителя Председателя Верховного Суда РФ об отмене судебных постановлений и направлении дела на новое рассмотрение, указав следующее.

Отказывая К. в иске о разделе спорной части домовладения в натуре, суд сослался на заключение строительно-технической экспертизы о том, что выделить помещение, соответствующее 1/12 доли права собственности на жилой дом, технически невозможно.

Между тем из определения суда о назначении строительно-технической экспертизы видно, что суд поставил перед экспертом вопрос не только о технической возможности выделения в натуре помещений, соответствующих 1/12 доли права собственности, но и о других вариантах раздела спорной части домовладения. Эксперт в своем заключении уклонился от ответа на этот вопрос. Исследуя проблему, он ошибочно учел и те помещения, которые принадлежат другим собственникам, не участвующим в споре, что нельзя признать правильным. Суд на эту ошибку эксперта не обратил внимания, не уточнил свой вопрос и не выяснил у него возможность раздела спорной части домовладения в натуре с оборудованием дополнительных выходов из каждого жилого помещения на улицу.

Эксперт определил действительную стоимость спорной части домовладения в 887 руб. Из этой стоимости суд исходил при взыскании в пользу К. денежной компенсации за принадлежащую ему 1/12 долю в праве собственности. Как разъяснено в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 10 июня 1980 г. «О некоторых вопросах, возникших в практике рассмотрения судами споров о выделе доли собственнику и определении порядка пользования домом, принадлежащим гражданам на праве общей собственности», размер денежной компенсации за долю

в праве общей собственности на дом определяется исходя из действительной стоимости дома на момент его раздела. Из заключения эксперта видно, что он исходил из цен по состоянию на 1986 год, что также нельзя признать правильным.

Суд, исключая К. из числа сособственников, в своем решении не дал оценки тому обстоятельству, что в соответствии с п.4 ст.7 Закона РСФСР от 24 декабря 1990 г. «О собственности в РСФСР», введенного в действие с 1 января 1991 г., прекращение права собственности помимо воли собственника не допускается, за исключением случаев обращения взыскания на это имущество по обязательствам собственника, в случаях и порядке, предусмотренных законодательными актами РСФСР и республик, входящих в Российскую Федерацию, принудительного отчуждения имущества, которое не может принадлежать данному собственнику в силу Закона, реквизиции и конфискации, и в других случаях, перечисленных в указанном пункте. Однако в данном деле отсутствуют таковые обстоятельства.

Президиумом Верховного Суда РФ дело передано на новое рассмотрение¹²².

Возможно и *безвозмездное изъятие имущества* у собственника в *форме конфискации*, которая применяется в случаях, предусмотренных законом, по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения либо в административном порядке (ст. 243 ГК РФ)¹²³. Вместе с тем, необходимо отметить, что положение ст. 243 ГК РФ в части конфискации имущества в административном порядке, а также норм других федеральных законодательных актов в указанном вопросе противоречит Конституции РФ, о чем справедливо указывалось в постановлении Конституционного Суда России от 11 марта 1998 г. «По делу о проверке конституционности ст. 226 ТК РФ, ч. 2 ст. 85, ст. 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях (далее – КоАП РСФСР) в связи с жалобами граждан М.М. Гаглоевой и А.Б. Пестрякова»¹²⁴.

Поводом к рассмотрению дела явились индивидуальные жалобы граждан М.М. Гаглоевой и А.Б. Пестрякова на нарушение их конституционных прав указанными нормами ТК РФ и КоАП РСФСР, которые были применены в конкретных делах заявителей. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции РФ оспариваемые заявителями нормы, которые предоставляют уполномоченным органам исполнительной

¹²² Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 5.

¹²³ Гражданский кодекс Российской Федерации: Комментарий. / Под ред. М.И. Брагинского. М., 1995. С., 39.

¹²⁴ Собрание законодательства РФ. 1998. №12. Ст.1458.

власти Российской Федерации право конфискации имущества граждан в качестве санкции за совершенные правонарушения. Рассмотрев жалобу, Конституционный Суд РФ установил, что согласно ст. 266 ТК РФ принятие мер по обеспечению выпуска или получения в распоряжение в соответствии с таможенным режимом товаров и транспортных средств, срок нахождения которых на складе временного хранения превысил установленные предельные сроки хранения, влечет конфискацию товаров и транспортных средств, являющихся непосредственными объектами правонарушения. Применение этой меры, согласно ст. 365 ТК РФ, осуществляется таможенными органами Российской Федерации. По постановлениям должностных лиц Пулковской таможни, вынесенным на основании ст. 266 ТК РФ, были конфискованы помещенные на склад временного хранения картины, принадлежащие гражданке М.М. Гаглоевой, которая не завершила в надлежющий срок их таможенное оформление. В своей жалобе в Конституционный Суд РФ заявительница утверждает, что установление в качестве меры административного взыскания за нарушение режима склада временного хранения конфискации имущества по решению административных органов противоречит ч.3 ст. 35 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, закрепляющим гарантии права частной собственности. Пункт 4 и 6 ст. 242 ТК РФ и ч. 1 ст. 24 и 29 КоАП РСФСР исходят из того, что конфискация как вид административного взыскания состоит в принудительном безвозмездном обращении в собственность государства имущества, явившегося орудием или средством совершения, а также непосредственным предметом правонарушения, т.е. имущества, использование которого либо запрещено, либо противоправно по другим причинам. От конфискации как меры юридической ответственности за совершенное правонарушение, приводящей к лишению собственника права на определенное имущество, отличается изъятие (арест) материальных объектов собственности как процессуальная мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и нарушениях таможенных правил, применяемая в том числе для обеспечения последующей конфискации (ст. 327 и 340 ТК РФ, ст. 231 КоАП РСФСР). Изъятие (арест) имущества, осуществляемое таможенными и иными органами исполнительной власти, тоже в определенной степени ограничивает право собственника владеть, пользоваться и распоряжаться им, но не порождает перехода права собственности к государству. Поэтому такое изъятие (арест) производится без судебного решения, что не препятствует его обжалованию в суде. Правовая позиция о допустимости изъятия имущества при наличии гарантии последующего судебного контроля выражена Конституционным Судом РФ в Поста-

новлении от 20 мая 1997 г. по делу о проверке конституционности п. 4 и 6 ст. 242 и ст. 280 ТК РФ¹²⁵. Однако в данном Постановлении указывается, что «акт суда является итогом решения вопроса о лишении лица его имущества». Следовательно, только с вынесением соответствующего судебного решения конфискация может рассматриваться как мера юридической ответственности, влекущая утрату собственником его имущества. Диспозиция ст. 266 ТК РФ позволяет таможенным органам произвольно, в нарушение конституционного принципа равенства (ч. 1 и 2 ст. 19 Конституции РФ) распространять применение конфискации и на указанные правонарушения, хотя по закону она в таких случаях не должна назначаться в качестве санкции.

Конституционный Суд РФ, мотивируя свое решение, отметил, что право частной собственности, не являясь абсолютным, может быть ограничено законом. Но при этом как сама возможность ограничений, так и их характер определяются законодателем не произвольно, а в соответствии с Конституцией РФ. Согласно ее ч. 3 ст. 55 права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Достижению этих целей служит и таможенное регулирование, включая установленные ТК РФ меры юридической ответственности, в том числе связанные с ограничением права собственности.

Однако, по смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, исходя из общих принципов права, введение ответственности за административный проступок (таможенное правонарушение) и установление конкретной санкции, ограничивающей конституционное право, должно отвечать требованиям справедливости, быть соразмерным конституционно закрепленным целям и охраняемым законным интересам, а также характеру совершенного деяния. Установление конфискации товаров и транспортных средств в качестве санкции за предусмотренное в ст. 266 ТК РФ таможенное правонарушение не может быть признано соответствующим указанным правовым принципам.

В указанном постановлении в частности отмечалось, что предписание ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации о лишении имущества не иначе как по решению суда, являясь гарантией права собственности, обязывает органы, рассматривающие дела об административных правонарушениях, при привлечении граждан к ответственности по ст. 85 КоАП

¹²⁵ Собрание законодательства РФ. 1997. №21. Ст. 2542.

РСФСР в случаях конфискации имущества обеспечивать соблюдение судебной процедуры.

Таким образом, положения ст. 266 ТК РФ, примененной к гражданке М.М. Гаглоевой, и ч. 2 ст. 85 и ст. 222 КоАП РСФСР, примененных к гражданину А.Б. Пестрякову, допускающие конфискацию как меру ответственности за правонарушение, что связано с лишением собственников имущества на основании вынесенных во внесудебной процедуре решений, ограничивают возможности гарантированной Конституцией РФ надлежащей судебной защиты права собственности¹²⁶.

Аналогичного рода дело в 1982 и 1984 гг. было в производстве Европейского Суда по правам человека. (Дела Спорронг и Лоннрот против Швеции рассмотренные 23 сентября 1982 г.¹²⁷ и 18 декабря 1984 г.¹²⁸).

Первое дело, рассмотренное 23 сентября 1982 г. содержало следующие обстоятельства. Сонаследники покойного г-на Е. Спорронга, г-жа М. Спорронг, г-н С-О Спорронг и г-жа Б. Атмер являются владельцами участка земли в центральном районе Стокгольма, на котором стоит строение, возведенное в 60-х гг. прошлого века. В июле 1956 г. Правительство Швеции выдало муниципалитету разрешение на отчуждение, которое коснулось зоны в 164 земельных участка, включая и тот, на котором располагалось г-на Спорронга. Предполагалось построить теплотрассу и создать в этой зоне стоянку для автомобилей. Во исполнение Закона об отчуждении 1917 г. Правительство Швеции установило 5-летний срок, до окончания которого муниципалитет должен был совместно с собственниками участка определить в Земельном суде сумму компенсации. В мае 1979 г. разрешение было отменено по просьбе муниципалитета, который в то время проводил политику снижения числа автомобилей в городе и сохранения существующей схемы застройки. В период с 1954 по 1979 г.г. на рассматриваемые земельные участки распространялись также запрещения на строительство.

На владение г-жи И.М. Лоннрот, также расположено в центре Стокгольма, разрешение на отчуждение распространялось с 1971 по 1979 г.г., а запрещение на строительство с 1968 по 1980 г.г. Это владение 17 раз выставлялось на рынок для продажи, но потенциальные покупатели отказывались от сделки после консультаций с муниципальными властями.

Заявители утверждали, что продолжительность периода, в течение которого действовали разрешения на отчуждение, сопровождающиеся

¹²⁶ Собрание законодательства РФ, 1998. №12. Ст.1458.

¹²⁷ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М, 2000. С., 395-416.

¹²⁸ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М, 2000. С., 483-497.

запрещениями на строительство, нанесла ущерб их недвижимости. С их точки зрения, это было равносильно незаконному посягательству на право беспрепятственного пользования своим имуществом, как оно гарантируется ст. 1 Протокола №1.

Правительство Швеции, возражая против доводов заявителей, отметило, что разрешения и запрещения являются неотъемлемой чертой городского планирования и не отражается на праве собственников на «беспрепятственное пользование своим имуществом» в контексте ст. 1 Протокола №1.

Европейский Суд по правам человека, рассматривая материалы дела, пришел к следующим выводам. Хотя разрешения на отчуждение не затронули по закону право собственников пользоваться и распоряжаться своим имуществом, на практике, тем не менее, они существенно ограничили возможность его осуществления. Они затронули саму суть собственности, поскольку заранее признали, что любое отчуждение будет законным, и муниципалитет Стокгольма вправе отчуждать земельные участки в любое время, когда он посчитает это целесообразным. Таким образом, право собственности заявителей становилось условным и отменяемым. Запрещения на строительство также, несомненно, ограничивали право заявителей на использование своей собственности. Подводя итог Европейский Суд по правам человека отметил, что имело место нарушение ст. 1 Протокола №1 в отношении обоих заявителей¹²⁹.

В основе второго спора лежит разрешение Правительства Швеции муниципалитету Стокгольма произвести принудительное отчуждение принадлежащих заявителям земельных участков со строениями в связи с планами городской реконструкции Стокгольма по мере их реализации. При этом собственникам были запрещены какие-либо строительные работы на этих участках. Попытки заявителей обжаловать дело в суде были безуспешными, поскольку рассмотрение всего комплекса спорных вопросов одним компетентным судом оказалось невозможным. Заявители считали, что нарушено их право на защиту собственности (ст. 1 Протокола №1), право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 ЕКПЧ), и они стали жертвами дискриминации (ст. 14 ЕКПЧ).

По мнению заявителей, заявленный материальный ущерб состоит, во-первых, из потери чистой прибыли, поскольку владения приносили в периоды спорных разбирательств очень низкий доход. Во-вторых, их рыночная стоимость резко упала и во время рассмотрения спора в Европейском Суде по правам человека являлась очень низкой. Заявители

¹²⁹ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. С., 395-397, 405.

также жаловались на то, что они не могли вкладывать средства в недвижимость для повышения ее стоимости, так как муниципалитет Стокгольма не дал бы им разрешения на их полную перестройку и реконструкцию, что было бы единственно разумным с финансовой точки зрения. Даже если бы в порядке исключения такое разрешение было бы получено, то в случае принудительного отчуждения сделанное вложение не подлежало возмещению. По мнению заявителей, следовало предоставить одно из двух решений: 1) возможность нормального пользования их имуществом (что позволило бы построить на участках новые здания в соответствии с планами градостроительства) или 2) возможность продать их по приемлемой цене (что позволило бы выгодно реинвестировать средства и, возможно, купить аналогичный участок, который был бы свободен от обременений). Короче говоря, заявители утверждают, что были лишены доходов, которые они получили бы при любом ином варианте.

Правительство отрицало само существование какого-либо материального ущерба. Прямой доход от владений, равный разнице между общей суммой, полученной от сдачи внаем, и расходами на управление и содержание, выраженный в процентах от рыночной стоимости, был бы вполне достаточен. Что касается рыночной стоимости, то она несколько не снизилась. Общая прибыль на капитал, т.е. совокупная величина прямого дохода и увеличения рыночной стоимости, была совершенно нормальной и значительно превышала темпы инфляции. Кроме того, Правительство подчеркнуло, что заявители были только временно лишены возможности обустроить свою недвижимость. Наконец, Правительство утверждало, что заявители могли бы заложить свои владения и вложить полученные средства в другую недвижимость, свободную от обременений, и, в результате, получить такую же прибыль, какую они получили бы, если бы построили новые здания на своих участках.

В своем решении Европейский Суд по правам человека указал, что заявители несли «личное и чрезвычайное бремя» в результате нарушения справедливого равновесия, которое должно существовать между защитой права собственности и требованиями общего интереса. По мнению Европейского Суда, срок действия разрешения на отчуждение в отношении участков принадлежащих г-же Спорронг и г-же Лоннрот оказал «пагубное влияние», которое было усугублено запрещениями на строительство. Как утверждалось ранее и было подтверждено Европейским Судом, ограничение возможности распоряжаться собственностью имело несколько последствий, а именно: трудности с продажей по нормальным рыночным ценам, получением ипотечных кредитов, а также дополнительные риски, связан-

ные с капиталовложениями; имело место также запрещение на любое «новое строительство». Далее Европейский Суд отмечал, что заявители пребывали в полном неведении относительно судьбы их собственности и не могли рассчитывать на то, что трудности, с которыми они могут столкнуться, будут принимать во внимание шведским Правительством. Кроме этого Европейский Суд по правам человека постановил выплатить Королевство Швеции компенсацию за ущерб, причиненный ограничением права собственности заявителей и судебные издержки¹³⁰.

Комментарий к приведенному решению

Приведенное решение Европейского Суда по правам человека достаточно типичное и для Российской Федерации. Примером может служить дело, рассмотренное Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ по протесту Председателя Верховного Суда РФ по иску Ю. к АО «Белохолуницкий завод»¹³¹.

В решении Европейского Суда по правам человека по делу Спорронг и Лоннрот против Швеции от 23 сентября 1982 г. обращает на себя внимание положение о том, что заявители не оспаривали законность разрешения на отчуждение и запрещения на строительство на принадлежащих им земельных участках. Заявители оспаривали продолжительность определения размера компенсации за отчуждение и продолжительность действия разрешения на отчуждение и запрета на строительство. Таким образом, в рассматриваемом деле заявители считают, что им причинен ущерб в результате длительного решения муниципалитетом Стокгольма вопроса об отчуждении земельного участка и соответственно не выплатой в этот период компенсаций за имущества заявителей. Более того в течение достаточно продолжительного времени г-н Спорронг и г-жа Лоннрот не могли в полном объеме распорядиться своей собственностью. Суд приняв решение в пользу заявителей справедливо отметил, что «хотя разрешение на отчуждение не затронули по закону право собственников пользоваться и распоряжаться своим имуществом, на практике, тем не менее, они существенно ограничили возможность его осуществления». В решении Европейского Суда по правам человека по делу Спорронг и Лоннрот против Швеции от 18 декабря 1984 г. отмечалось, что «заявители несли и личное и чрезмерное бремя» в результате нарушения справедливого равновесия,

¹³⁰ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. С.484-485, 491.

¹³¹ Бюллетень Верховного Суда РФ, 1996. №4. – С.4-5.

которое должно существовать между защитой права собственности и требованиями общего интереса». В связи с введенными ограничениями заявители были обременены в возможности распоряжаться собственностью, а именно: трудности с продажей по нормальной рыночной цене, получением ипотечного кредита, а также дополнительные риски, связанные с капиталовложениями; имело место также запрещение на любое «новое строительство». Все указанные обстоятельства привели к вынесению решения о компенсации за ущерб, причиненный заявителям указанными действиями Правительства Швеции и муниципалитета Стокгольма.

В части неправомерного отчуждения частной собственности без равноценного возмещения в практике Конституционного Суда РФ имеется постановление от 16 мая 2000 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений п. 4 ст. 104 Федерального закона от 8 января 1998 г. «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)¹³² в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited»¹³³, в котором в частности отмечалось, что исключение того или иного имущества должника из конкурсной массы и передача его муниципальному образованию отражается, в конечном счете, на полноте удовлетворения требований кредитора, лишая его части причитающихся ему денежных средств. Такое изъятие, по мнению заявителя, означает, по существу, не что иное, как принудительное – в силу закона – отчуждение частной собственности без предварительного и равноценного возмещения, что противоречит требованиям ч. 3 ст. 35 Конституции РФ.

В деле компании «Timber Holdings International Limited» фактически были применены лишь положения о передаче муниципальным образованиям в процедуре конкурсного производства жизненно необходимых для них объектов, содержащиеся в п. 4 ст. 104 Закона о банкротстве¹³⁴, причем в той их части, которая не касается имущественных отношений, возникающих между должником и соответствующим муниципальным образованием, а регулирует имущественные отношения должника и кредитора: в конкурсном производстве реализация входящих в конкурсную массу материальных объектов и прав требования осуществляется с целью распределения вырученных на торгах денежных средств между кредиторами, поэтому предусмотренная п. 4 ст. 104 Закона о банкротстве передача названных в нем объектов муниципальным образованиям затрагивает также имущественные права и законные интересы кредиторов.

¹³² Собрание законодательства РФ, 1998. №2. Ст.222.

¹³³ Собрание законодательства РФ, 2000. №21. Ст.2258.

¹³⁴ Собрание законодательства РФ, 1998. №2. Ст.222.

В указанном постановлении Конституционный Суд РФ указал, что в силу ч. 3 ст. 35 Конституции РФ никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда; принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Использованным в данной статье понятием «имущество» в его конституционно-правовом смысле охватываются, в частности, вещные права и права требования, в том числе принадлежащие кредиторам. Такой подход содержится в постановлении Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 года по делу о проверке конституционности п. 2 и 3 ч. 1 ст. 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции»¹³⁵ и корреспондирует толкованию этого понятия Европейским Судом по правам человека, которое лежит в основе применения им статьи 1 Протокола №1.

Следовательно, права требования и законные интересы кредиторов в рамках конкурсного производства в процедуре банкротства подлежат защите в соответствии с ч. 3 ст. 35 Конституции РФ. Жилищный фонд социального использования, детские дошкольные учреждения и объекты коммунальной инфраструктуры, жизненно необходимые для региона, как объекты недвижимости, входящие в имущество должника-собственника, используются не только в его частных интересах, но и в интересах населения, подлежащих защите со стороны государства. Поэтому отношения, связанные с обеспечением функционирования и сохранения целевого назначения указанных объектов, носят публично-правовой характер. Осуществляя их регулирование, законодатель, исходя из публичных целей, вправе определять, что те или иные объекты, необходимые для жизнеобеспечения населения, в процессе конкурсного производства подлежат передаче соответствующему муниципальному образованию. Тем самым реализуется и распределение между разными уровнями публичной власти функций социального государства (ст. 7 Конституции РФ).

Исключение названных объектов из конкурсной массы и передача их - в силу прямого предписания закона - муниципальным образованиям является допустимым ограничением права частной собственности должника, которое осуществляется в целях защиты прав и законных интересов других лиц (ч. 3 ст. 55, Конституции РФ). При этом, однако, не могут не учитываться и частные интересы, в том числе интересы должника и кредиторов в рамках конкурсного производства.

¹³⁵ Собрание законодательства РФ, 1997. №1. Ст.197.

Осуществляемая в силу предписаний п. 4 ст. 104 Закона о банкротстве передача указанных в нем объектов муниципальным образованиям представляет собой, по буквальному смыслу нормы, один из случаев лишения должника-собственника его имущества. Анализ же сложившейся правоприменительной практики свидетельствует о том, что эти предписания понимаются конкурсными управляющими и арбитражными судами как исключаящие и какую-либо возможность компенсации должника уменьшения конкурсной массы в результате такой передачи.

В этом смысле положения п. 4 ст. 104 Закона о банкротстве представляют собой чрезмерное, не пропорциональное конституционно значимым целям, а потому произвольное ограничение права собственности должника и, следовательно, конкурсного кредитора в конкурсном производстве и умаляют конституционное право частной собственности, т.е. противоречат ч. 2 и 3 ст. 55 Конституции РФ. В связи с этим законодателю надлежит, исходя из принципов правового государства, регламентировать условия перехода права собственности, в частности его утраты, на основе юридического равенства и справедливости в соответствии с Конституцией РФ.

Данные требования распространяются и на предоставление компенсации должнику-собственнику имущества в процедуре конкурсного производства. Такая компенсация должна быть соразмерной с точки зрения обеспечения справедливого баланса между публичными и частными интересами. Аналогичную правовую позицию сформулировал Европейский Суд, который исходит из того, что компенсация за вмешательство в осуществление права собственности вытекает из ст. 1 Протокола №1, предусматривающей, в частности, что «никто не может быть лишен своего имущества кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права».

Согласно этой правовой позиции Европейского Суда по правам человека лишение собственности без предоставления разумной компенсации с учетом ее стоимости, как правило, представляет собой несоразмерное вмешательство, которое не может считаться оправданным. Вместе с тем, ст. 1 Протокола №1 не рассматривается им как предоставляющая право на получение полной компенсации, поскольку при определенных обстоятельствах учет публичных интересов, связанных с необходимостью обеспечения большей социальной справедливости, может обуславливать выплату возмещения ниже рыночной стоимости.

Часть 2 ст. 8 Конституции РФ в качестве одной из основ конституционного строя Российской Федерации провозглашает признание и равную защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм

собственности. Такая защита при определении размеров разумной компенсации в связи с изъятием имущества в публичных целях должна, вместе с тем, осуществляться на основе принципа справедливости.

Следовательно, само социальное предназначение объектов, перечисленных в п. 4 ст. 104 Закона о банкротстве, является таким обременением, которое снижает их рыночную стоимость. Поэтому законодатель в данном случае вправе предусмотреть разумные пределы, в которых возможна компенсация в целях защиты имущественных прав и законных интересов должника и, соответственно, конкурсных кредиторов. Установлением справедливой, соразмерной компенсации, обеспечивающей баланс публичных и частных интересов, не нарушается вытекающее из ч. 3 ст. 35 Конституции РФ требование о предварительном и равноценном возмещении за отчуждаемое в публичных целях имущество.

Положения п. 4 ст. 104 Закона о банкротстве, поскольку по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, они исключают возможность выплаты должнику-собственнику разумной компенсации, обеспечивающей справедливый баланс между публичными и частными интересами при передаче указанных в них объектов муниципальным образованияам, не соответствуют в этой части ст. 55 (ч. 2 и 3) Конституции РФ.

Согласно ч. 3 ст. 35 Конституции РФ никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что в определенных случаях, когда изъятие имущества необходимо в публичных целях и в качестве превентивной меры, способом реализации конституционной гарантии права частной собственности, закрепленной в ч. 3 ст. 35 Конституции РФ, является последующий судебный контроль.

Передача муниципальным образованияам объектов, исключенных из конкурсной массы в порядке п. 4 ст. 104 Закона о банкротстве, осуществляется в публичных целях, которые оправдывают применение такого изъятия как превентивной меры, обеспечивающей жизненные интересы населения. Но возможность его последующего судебного обжалования не может ограничиваться.

При этом судебная проверка законности и обоснованности передачи имущества муниципальным образованияам в случае, предусмотренном п. 4 ст. 104 Закона о банкротстве, не может сводиться к формальному подтверждению наличия оснований для применения указанной нормы. Напротив, в порядке судебного контроля необходимо устанавливать по существу, относятся ли передаваемые объекты к жилищному фонду социального использования, детским дошкольным учреждениям и объектам коммунальной инфраструктуры, в какой мере они являются жизненно

необходимыми для региона, за счет каких средств они создавались. Споры, возникающие между должником, кредиторами и государством по поводу размера компенсации в связи с передачей конкретного объекта, также подлежат разрешению в судах.

Положения п. 4 ст. 104 Закона о банкротстве по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, исключают реальную судебную защиту прав должников-собственников и конкурсных кредиторов и потому противоречат ч. 3 ст. 35 и ч. 1 ст. 46 Конституции РФ.

В силу данного требования передача муниципальным образованиям на основании п. 4 ст. 104 Закона о банкротстве перечисленных в нем объектов должна осуществляться исходя из закрепленных Конституцией РФ принципов защиты частной собственности, включая недопустимость ее чрезмерного ограничения (ч. 2 ст. 8; ст. 35 и ч. 3 ст. 55), что предполагает выплату должникам - собственникам передаваемых объектов разумной компенсации. При этом впредь до законодательного урегулирования размеров компенсации и механизма межбюджетных отношений, который обеспечил бы реализацию решений федеральных органов государственной власти, приводящих к увеличению расходов бюджетов разных уровней, необходимо руководствоваться действующим гражданским и финансовым законодательством. С учетом выводов, содержащихся в рассматриваемом постановлении, подлежит применению, в частности, ст. 306 ГК РФ, в соответствии с которой в случае принятия Российской Федерацией закона, прекращающего право собственности, убытки, причиненные собственнику в результате принятия этого акта, в том числе стоимость имущества, возмещаются государством. Споры же о размерах компенсации, возникающие между должником, кредитором и государством, подлежат рассмотрению арбитражными судами.

Учитывая изложенное, Конституционный Суд РФ признал несоответствующими Конституции РФ, ее ст. 35, 46 и 55, положения п. 4 ст. 104 Закона о банкротстве в той части, в какой они по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, позволяют передавать соответствующим муниципальным образованиям жилищный фонд социального использования, детские дошкольные учреждения и объекты коммунальной инфраструктуры, жизненно необходимые для региона, без выплаты должникам-собственникам, находящимся в процедуре конкурсного производства, разумной, справедливой компенсации, обеспечивающей баланс между публичными и частными интересами, а также не допускают судебной проверки такой передачи по существу¹³⁶.

¹³⁶ Собрание законодательства РФ, 2000. №21. Ст.2258.

Пример, Бабаян и индивидуальное частное предприятие «Кавказ» (далее - ИЧП) обратились в суд с жалобой на отказ нотариуса Сочинского нотариального округа удостоверить договор дарения ИЧП «Кавказ» квартиры Бабаян и просили обязать нотариуса удостоверить этот договор. Как указывали заявители, нотариус отказался удостоверять договор по тому, что ст. 35 Закона Краснодарского края «О порядке регистрации пребывания и жительства на территории Краснодарского края», предусматривающая запрещение нотариальной конторе удостоверять договоры отчуждения собственности гражданам, не зарегистрированным (не прописанным) в Краснодарском крае, противоречит Конституции РФ, нарушает законные права и интересы собственника.

Решением Центрального районного суда г. Сочи в удовлетворении жалобы было отказано. Президиум Краснодарского краевого суда протест заместителя Председателя Верховного Суда РФ об отмене судебных решений оставил без удовлетворения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 27 октября 1997 г. аналогичный протест заместителя Председателя Верховного Суда РФ удовлетворила по следующим основаниям.

Согласно ст. 35 Конституции РФ право частной собственности охраняется законом; каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами.

В соответствии с п. 2 ст. 209 ГК РФ собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом.

В силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства.

Отказывая в удовлетворении жалобы, суд исходил из того, что Бабаян не имеет прописки в Краснодарском крае и в соответствии с требованиями ст. 35 Закона Краснодарского края «О порядке регистрации, пребывания и жительства на территории Краснодарского края» (принятого Законодательным Собранием Краснодарского края 7 июня 1995 г.), предусматрива-

ющей запрещение нотариусам удостоверить договоры отчуждения собственности (любой формы), нотариус обоснованно отказал ей и ИЧП «Кавказ» в удовлетворении договора дарения и квартиры.

Однако с этим выводом суда согласиться нельзя, поскольку он сделан без учета требований п. 2 ст. 209 ГК РФ «собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом».

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 7 постановления от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»¹³⁷, если при рассмотрении конкретного дела суд установит, что подлежащий применению акт государственного или иного органа не соответствует закону, он в силу ч. 2 ст. 120 Конституции РФ обязан принять решение в соответствии с законом, регулирующим данные правоотношения. В соответствии с ч. 2 ст. 1 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» ограничение права граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации допускается только на основании закона.

Указание в ст. 35 Закона Краснодарского края «О порядке регистрации, пребывания и жительства на территории Краснодарского края» на то, что нотариальные конторы вправе оформлять сделки по купле-продаже на жилое помещение только в отношении граждан Российской Федерации, зарегистрированных по месту жительства на территории Краснодарского края, не соответствует российскому законодательству.

В этой связи Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила решение Центрального районного суда г. Сочи и Президиума Краснодарского краевого суда по жалобе Бабаян и ИЧП «Кавказ» на отказ нотариуса Сочинского нотариального округа удостоверить договор дарения квартиры¹³⁸.

В судебной практике Верховного Суда РФ имеет и другое подобное дело. Так, Евпак обратился в суд с жалобой на действия начальника паспортного управления г. Москвы и комиссии по жилищным вопросам, прописке и выписке граждан при правительстве г. Москвы, ссылаясь на неправомерность отказа в прописке на жилую площадь в Москве, полученную в порядке наследования.

Савеловский межмуниципальный суд Северного административного округа г. Москвы 5 сентября 1995 г. действия комиссии по жилищным

¹³⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ, 1996. №1.

¹³⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ, 1998. №3.

вопросам и начальника паспортного управления г. Москвы признал неправомерными и обязал указанные органы принять меры к прописке (регистрации) заявителя.

Постановлением президиума Московского городского суда от 14 ноября 1996 г. указанное решение Савеловского межмуниципального суда отменено, и дело направлено на новое судебное рассмотрение.

Решением Савеловского межмуниципального суда г. Москвы от 13 мая 1997 г. жалоба Евпака признана необоснованной. Данное решение оставлено без изменения определением судебной коллегий по гражданским делам Московского городского суда от 8 августа 1997 г.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене постановления президиума Московского городского суда от 14 ноября 1996 г. и последующих судебных постановлений и оставлении в силе решения суда от 5 сентября 1995 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 25 ноября 1997 г. протест удовлетворила, указав следующее: отменяя решение Савеловского межмуниципального суда от 5 сентября 1995 г., президиум Московского городского суда сослался на то, что суд не принял во внимание постановление правительства г. Москвы от 22 марта 1994 г. №219 «О комплексной реконструкции квартала по улице Веерной муниципального округа «Матвеевское», которым предусмотрен поэтажный снос домов. Кроме того, президиум Московского городского суда сослался и на Положение от 3 мая 1995 г. «О едином порядке прописки и выписки населения в г. Москве», согласно которому прописка в домах, подлежащих реконструкции или сносу, не допускается.

При новом рассмотрении дела Савеловский межмуниципальный суд учел указания президиума городского суда и отказал Евпаку в удовлетворении жалобы, сославшись на то, что жилая площадь, принадлежащая заявителю на праве собственности, находится в доме по улице Веерной, которая подлежит реконструкции, предусматривающей поэтапный снос жилых домов, и отсутствие регистрации Евпака не ущемляет его прав собственника жилого помещения. С данными выводами судебных инстанций согласиться нельзя. В соответствии с ч. 1 ст. 27 Конституции РФ каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства.

В силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя,

нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Указанные права и свободы могут быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, в какой необходимо для достижения целей, перечисленных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Таким образом, ограничение конституционного права любыми способами (как введение прямых запретов, так и установленных косвенных ограничений) в законах и иных правовых актах субъектов Российской Федерации не допустимо.

На основании ст. 6 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» собственник жилого помещения в Москве, избравший его местом своего жительства, должен зарегистрироваться в органах регистрационного учета, а этот орган обязан зарегистрировать его не позднее 3-х дней со дня предъявления документов.

При таком положении решение Савеловского межмуниципального суда г. Москвы от 5 сентября 1995 г., которым была удовлетворена жалоба Евпака на действия начальника паспортного управления г. Москвы и комиссии по жилищным вопросам, прописке и выписке граждан при правительстве г. Москвы, является законными все последующие судебные постановления по делу подлежат отмене¹³⁹.

В ситуациях, когда органы государственной власти или органы местного самоуправления принимают решения об изъятии имущества, принадлежащего гражданину на праве собственности, или ограничении права собственности указанного лица в общественных интересах необходимо учитывать следующие обстоятельства:

1. Законность принятия решения об изъятии имущества, находящихся у лиц на праве собственности;
2. Законность ограничений на осуществление правомочий собственника, указанные ограничения должны быть разумной продолжительности;
3. Адекватность предложенной компенсации за изъятое имущество, ее соответствие «рыночной» стоимости изъятых имущества;
4. Реальный срок для определения размера суммы, подлежащей выплате за изъятые имущество.

¹³⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ, 1998, №4.

Правовые основания лишения права собственности

Часть 1 ст. 1 Протокола №1 содержит и другие достаточно важные положения, где предполагается лишение права собственности **«в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права»**. В приведенной норме можно выделить следующие важные аспекты: лишить имущества можно только в интересах общества; основаниями могут стать нормы национального закона и общие принципы международного права.

В ч. 3 ст. 55 Конституции РФ сказано, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Подобного рода положения содержат и другие нормативно-правовые акты Российской Федерации. Так, п. 2. ч. 2 ст. 1 ГК РФ практически дублирует положения указанной выше нормы Конституции РФ. Часть 2 ст. 4 Федерального закона от 9 июля 1999 г. «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»¹⁴⁰ определяет, что «изъятия ограничительного характера для иностранных инвесторов могут быть установлены федеральными законами только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Последний из приведенных примеров имеет частный характер, но, вместе с тем, он отражает общий подход, сложившийся в российском законодательстве к вопросу ограничения права собственности.

В производстве Европейского Суда имелось дело *Лоизиду против Турции*, рассмотренное 18 декабря 1996 г.

Заявительница, гражданка Кипра г-жа Титина Лоизиду, была лишена возможности доступа к земельному участку, принадлежащего ей на праве собственности, расположенного на севере Кипра, в связи с разделом Кипра на греческую и турецкую часть. Земельный участок, принадлежащий г-же Лоизиду остался на турецкой стороне, что лишило ее пра-

¹⁴⁰ Собрание законодательства РФ, 1999. №28. Ст.3493. Подобного рода ограничения права собственности закреплены в частности в п. 2 ст. 6 Федерального закона от 16.07.98 г. «Об ипотеке (залоге недвижимости)». //Собрание законодательства РФ, 1998. №29. Ст.3400.

во контроля, «равно как и возможность использовать, продавать, завещать, закладывать, улучшать свою землю и просто радоваться жизни на ней»¹⁴¹. Заявительница утверждала, что турецкое Правительство несет ответственность за длительный отказ ей в праве доступа к собственности в северной части Кипра и как следствие этого – за утрату контроля над собственностью, что нарушает ст. 1 Протокола №1. «Подобная ситуация в соответствии с практикой Суда может рассматриваться как экспроприация собственности де-факто. Заявительница и Правительство Кипра считает, что формальной экспроприации собственности не было, но имели место попытки фактической экспроприации, и соответствующие законодательные акты Турецкой республики Северного Кипра несовместимы с международным правом»¹⁴².

С точки зрения турецкого Правительства процесс «деприватизации собственности» в северной части Кипра начался в 1974 г. и принял затем форму необратимой экспроприации в силу ст. 159 Конституции Турецкой Республики Северный Кипр от 7 мая 1985 г. Такая экспроприация является оправданной с позиций международного права¹⁴³.

Поскольку заявителю начиная с 1974 г. было отказано в праве доступа к собственности, она фактически полностью утратила над ней контроль, равно как и возможность пользоваться ею. Этот длительный отказ должен рассматриваться как вмешательство в права, предусмотренные ст. 1 Протокола №1. Подобное вмешательство с учетом исключительных обстоятельств настоящего дела, на которые ссылаются г-жа Лоизиду и Правительство Кипра, не может рассматриваться как лишение собственности или контроля за ее использованием в рамках первого и второго пунктов ст. 1 Протокола №1. Однако оно, вне всякого сомнения, подпадает под действие нормы, содержащейся в приведенной выше статье, а именно является нарушением права на беспрепятственное пользование своим имуществом. В этой связи Суд считает, что фактическая невозможность осуществления этого права является таким же нарушением Конвенции, как и препятствие юридического характера¹⁴⁴.

Таким образом, Европейский Суд по правам человека признал, что имеет место нарушение ст. 1 Протокола №1.

¹⁴¹ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000. С. 371.

¹⁴² Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000. С. 371.

¹⁴³ Там же. С. 364.

¹⁴⁴ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000. С. 372.

Комментарий
к решению Европейского Суда
по правам человека

Важным положением решения Европейского Суда по делу *Лоуизиду против Турции* является то, что отсутствие юридического акта об экспроприации собственности и фактическая экспроприация собственности представляет собой нарушение права собственности лица и является нарушением ст. 1 Протокола №1. Интересным представляется особое мнение судьи Бака по рассматриваемому делу. Он согласился с мнением Европейского Суда по правам человека. Однако отметил, что «непризнание Турецкой Республики Северного Кипра международным сообществом, а также юридических последствий такого непризнания, что на правовые нормы ссылалось Правительство. Дело в том, что в нашем случае правовая ситуация в отношении собственности весьма близка к той, которая существовала в бывших коммунистических странах Центральной и Восточной Европы. В этих странах, которые были признаны мировым сообществом, также в течение длительного времени шел процесс экспроприации собственности в соответствии с законами о национализации и другими правовыми актами. Подобные действия, которые привели к коренному переделу собственности в этих государствах, нельзя постоянно оправдывать лишь ссылками на то, что они в свое время были признаны мировым сообществом.

С учетом характера де-факто экспроприации собственности заявительницы в период до 1985 г., равно как и соответствующих положений Конституции Турецкой Республики Северного Кипра 1985 г. по вопросам собственности, не могу согласиться с мнением Европейского Суда о том, что жалоба заявительницы касается делящейся ситуации¹⁴⁵.

В отечественной доктрине международного частного права экспроприация рассматривается как административно- или государственно-правовые акты, применение которых не может быть основанием для возникновения коллизий законов. Даже если иностранный суд и игнорирует принятые нормативные акты, речь идет не об отказе в применении иностранного закона, а о непризнании тех или иных гражданско-правовых последствий такого рода актов¹⁴⁶. В настоящее время защита вещных прав в случае национализации гарантируется законодательством практически всех государств мира. После Второй мировой войны указанный принцип признали страны Восточной Европы. В настоящее время он закреп-

¹⁴⁵ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000. С. 378.

¹⁴⁶ Луниц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть. М., 1973. С. 179.

лен в законах об иностранных инвестициях государств-участников Содружества Независимых Государств.

Статья 209 ГК РФ к проблеме ограничения права собственности относится немного иначе, отмечая, что «собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц...».

Данные положения свидетельствуют о том, что как в ч. 1 ст. 1 Протокола №1, так и в российском законодательстве закрепляются ограничения права собственности. Что же собой представляют указанные ограничения? Полемизируя с В.И. Гойманом, В.П., Камышанский справедливо отмечает, что «ограничения не приводят к уменьшению субъективных прав. При наложении ограничений объем субъективных прав сохраняется. Однако их осуществление затрудняется в силу стеснений, затруднений, вызванных ограничениями. Эти ограничения управомоченного лица обусловлены тем, что третьим лицам передается только возможность реализации (осуществления) отдельных субъективных прав»¹⁴⁷. Подобный подход вполне справедлив в вопросе ограничения субъективных гражданских прав, в том числе права собственности. Следовательно, ограничения права собственности, предусмотренные в ч. 1 ст. 1 Протокола №1, есть ограничение лишь сферы осуществления субъективного права собственности, но ни в коей мере не ограничение самого права собственности.

Ограничение сферы осуществления субъективного права собственности по российскому законодательству формулируется несколько по-иному, хотя суть этих положений достаточно сходна по содержанию.

Вопрос об ограничении права собственности в интересах общества предполагает, что реализация прав собственников должна осуществляться на основании принципа «не запрещенное законом – разрешено». Этот вид ограничения представляет собой публично-правовое ограничение. Он предполагает, что законом осуществляются ограничения права собственности в интересах всего населения, проживающего на территории государства. Невозможно представить цивилизованные общества без соблюдения его членами обязанностей как перед государством, на территории которого они проживают, так и перед другими людьми¹⁴⁸.

В практике Европейского Суда имеется интересное *дело Маркс против Бельгии* от 13 июня 1979 г.

¹⁴⁷ Камышанский В.П. Право собственности на недвижимость: вопросы ограничений. Элиста, 1999. С.137.

¹⁴⁸ Конституция Российской Федерации: Комментарий. /Под ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М, 1994. С. 285.

Краткое изложение существа дела. Александра Маркс родилась 16 октября 1973 г. в Вильрийке около Антверпена. Она является дочерью Паулы Маркс – бельгийки по национальности, незамужней журналистки. Она рождена вне брака, а в отношении внебрачных детей бельгийский закон (Гражданский кодекс) установил сложный порядок их признания и усыновления (удочерения). Если факт материнства по отношению к ребенку, рожденному в браке, автоматически признается по факту рождения, то в отношении ребенка, рожденного вне брака, от его матери требуется особое заявление о признании, подаваемое в орган, ведающий актами гражданского состояния, что и было сделано Паулой Маркс. Однако это признание ребенка по бельгийскому закону – акт декларативный, он не является достаточным доказательством материнства. 30 октября 1974 г. через год после рождения дочери Александры Паула Маркс начала процедуру удочерения в соответствии со ст. 350 – 356 Гражданского кодекса, которое завершилось 18 апреля 1975 г., но акт об удочерении датирован 30 октября 1974 г. – моментом начала процедуры. Гражданский кодекс Бельгии существенно ограничивал наследственные и некоторые другие имущественные права ребенка, рожденного вне брака и его матери.

По мнению заявительницы, вопросы наследственных прав Паулы Маркс подпадают под действие *inter alia* этой статьи. Комиссия согласилась с заявительницами, однако Правительство оспорило их мнение.

Суд согласен с мнением Комиссии. Признавая право любого лица на беспрепятственное пользование своим имуществом, ст. 1 по своей сути является гарантией права собственности. О нем прямо говорит французский текст Конвенции, им пользовались во всех проектах, в ходе подготовительных работ, да и терминология английского текста имеет то же значение, поскольку право распоряжаться своим имуществом является обычным и основополагающим аспектом права собственности.

Вместе с тем, п. 2 ст. 1 дает государству-участнику Конвенции право «обеспечивать выполнение таких законов, которые ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами». Этот пункт предоставляет странам-участникам возможность самим судить о «необходимости» такого закона. Что касается «общих интересов», то эта норма в некоторых случаях может побудить законодателей к осуществлению «контроля за использованием собственности», включая распоряжение и наследование. Следовательно, ограничение, являющееся объектом жалобы первой заявительницы, само по себе не противоречит Протоколу №1.

Однако данное ограничение используется только по отношению к

незамужним матерям и не распространяется на матерей, находящихся в браке. Поэтому Суд, как и Комиссия, считает что подобное различие в правах, в поддержку которого Правительство не выдвинуло особых доводов, носит дискриминационный характер. С учетом ст. 14 Конвенции Суд отказывается понимать, на каких таких «общих интересах» или объективных и разумных обоснованиях может основываться позиция государства, ограничивающего право незамужней женщины дарить или завещать свое имущество собственнику ребенка, в то время как такие ограничения не распространяются на замужнюю женщину.

Таким образом, Суд считает, что в данном вопросе имеет место нарушение ст. 14 Конвенции, взятой как отдельно, так и в сочетании со ст. 1 Протокола №1, по отношению к Пауле Маркс¹⁴⁹.

15 февраля 1978 г. бельгийское Правительство внесло на рассмотрение Сената законопроект, который ставит целью уравнивать в правах всех детей вне зависимости от того рождены они в браке или вне брака.

В судебной практике судов Российской Федерации возникают споры о признании права собственности за хозяйствующим субъектом, которого он лишен на основании решения федерального органа государственной власти, органа власти субъектов Федерации или органов местного самоуправления. Так, постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 ноября 1996 г. решение и постановление апелляционной инстанции, вынесенное Арбитражного суда г. Москвы, и постановление Федерального арбитражного суда Московского округа было отменено, а иск Российского союза молодежи удовлетворен по следующим основаниям. Российский союз молодежи обратился в Арбитражный суд г. Москвы с иском о признании недействительным постановления правительства Москвы, которым гостиничный комплекс «Юность» принят в муниципальную собственность. Решением Арбитражного суда г. Москвы в иске было отказано, постановлением апелляционной инстанции указанное решение было оставлено без изменения. Федеральный арбитражный суд Московского округа оставил указанные выше решение и постановление без изменения.

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по протесту в порядке надзора пересмотрел ранее вынесенные решения, отметив следующее. Как видно из имеющихся в деле документов (акта Государственной приемки здания от 11.08.61 г., постановлений секретариата ЦК ВЛКСМ от 20.07.61 №66, от 18.03.63 №12, справки и паспорта БТИ от 6.07.90 г.), гостиничный комплекс «Юность» с 1961 г. находился

¹⁴⁹ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т.1 . М., 2000. С. 231, 241-246.

на балансе управления делами ЦК ВЛКСМ. Постановлением ЦК ВЛКСМ от 24.09.91 г. №21 гостиничный комплекс «Юность» передан в собственность ЦК ЛКСМ РСФСР. В октябре 1991 г. ЛКСМ РСФСР переименован в Российский союз молодежи.

При изложенных обстоятельствах довод суда о том, что на момент издания постановления правительства Москвы от 11.07.95 г. №600 гостиничный комплекс не находился ни в чьей собственности или владении, необоснован и противоречит указанным документам.

Из имеющихся в деле документов следует, что гостиничный комплекс с 1961 г. находился во владении и на балансе общественной организации – ныне Российского союза молодежи, поэтому необходимо исходить из того, что эта общественная организация является собственником указанного комплекса до тех пор, пока право собственности истца на спорный объект не оспорено в судебном порядке. Между тем требования о признании права собственности на гостиничный комплекс уполномоченными органами г. Москвы в суд не предъявлялись.

При таких обстоятельствах распоряжение правительства города Москвы от 11.07.95 г. №600 подлежит признанию недействительным¹⁵⁰.

Подобного рода дело по иску ЗАО «Страховая компания «Лисса» к Комитету по управлению имуществом г. Волгограда о признании права собственности на здание, которое было рассмотрено Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ. В постановлении №34П/01 от 25 сентября 2001 г. отмечалось, что из содержания ст. 5 Закона РФ от 3 июля 1991 г. «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации», действовавшего на момент заключения договора купли-продажи от 20.06.92 г., следует, что приватизацию имущества организуют соответствующие комитеты по управлению имуществом, полномочия которых не могут быть переданы никаким другим органам государственного управления, местной администрации или иным юридическим лицам. Следовательно, АОЗТ «Страховая компания «Лисса» должно было знать о том, что согласно действующему законодательству государственное или муниципальное имущество может быть приобретено лишь у соответствующего комитета по управлению имуществом.

Таким образом, договор купли-продажи от 20.06.92 г. по отчуждению поликлиникой №12 спорного здания является ничтожной сделкой в силу ст. 168 ГК РФ и не может служить основанием для возникновения у покупателя права собственности на приобретаемое по этому договору имущество, на что обоснованно указал суд первой инстанции.

¹⁵⁰ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 1997. №2. С. 45-46.

При таких обстоятельствах судебные акты, принятые по данному делу апелляционной и кассационной инстанциями, подлежат отмене, как незаконные и необоснованные¹⁵¹.

подавляющее число ученых-юристов склонны разделять ограничения права пользования имуществом на две группы. К первой группе относятся ограничения, установленные в интересах общества в пользовании имуществом, в интересах конкретного лица (либо определенного круга лиц). Во вторую группу входят ограничения в юридическом распоряжении имуществом (запрещения отчуждения)¹⁵². По основаниям возникновения ограничения права собственности можно подразделить на следующие группы: ограничения, вытекающие из федеральных законов (п. 2 ст. 1 ГК РФ); ограничения, возникающие из договора (п. 1 ст. 8; п. 3 ст. 247 ГК РФ); ограничения, возникающие из судебного решения (п. 3 ст. 8; п. 3 ст. 274 ГК РФ)¹⁵³.

Каков же вид ограничения закреплен в ч. 1 ст. 1 Протокола №9. Данный документ предусматривает все указанные выше ограничения. Прав в этой связи В.П. Камышанский, который отмечал, что «законные ограничения права собственности с целью обеспечения общественных интересов не могут относиться исключительно к публичному праву, поскольку они включают в себя элементы публичного и частного права»¹⁵⁴.

Другим не менее важным положением ч. 1 ст. 1 Протокола №9 является положение о том, что «никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных... общими принципами международного права». Общие¹⁵⁵ принципы современного международного права можно определить в качестве общепризнанных норм, имеющих наиболее важное значение для обеспечения нормального функционирования международного права как особой системы права. Такое определение общих принципов нашло свое подтверждение в решении Международного Суда Организации Объединенных Наций 1974 г. по спору между США и Канадой о границе в заливе Мэн, в котором указывается, что слово «принципы и нормы» выражают одну и ту же идею, а именно, что термин

¹⁵¹ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2002. № 1. С. 35-37.

¹⁵² Камышанский В.П. Право собственности на недвижимость: вопросы ограничений. Элиста, 1999. С. 212.

¹⁵³ Камышанский В.П. Право собственности на недвижимость: вопросы ограничений. Элиста, 1999. С. 215.

¹⁵⁴ Камышанский В.П. Право собственности на недвижимость: вопросы ограничений. Элиста, 1999. С. 185.

¹⁵⁵ Термин «общие принципы» характерен для западной концепции международного права. В российской международно-правовой терминологии «общие принципы» – «основные принципы».

«принципы» означает правовые принципы, т.е. «он включает нормы международного права», и что «употребление термина «принципы» оправданно, поскольку речь идет о более общих и фундаментальных нормах»¹⁵⁶.

Провозглашая право «каждого человека владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими» и недопустимость «произвольного лишения своего имущества» (ч. 1 и 2 ст. 17 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.)¹⁵⁷. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. в ст. 4 отмечает, что «государство может устанавливать только такие ограничения этих прав (закрепленных в Международном пакте – отмечено нами), которые определяются законом, и только постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе»¹⁵⁸. Это положение авторитетнейшего международно-правового акта выводит нас на проблему ограничения права собственности, которое может быть осуществлено в интересах демократического общества.

Среди общих принципов защиты прав человека международно-правовая наука выделяет принципы универсальности и недискриминации¹⁵⁹. Содержание указанных принципов в нашем случае предполагает недопустимость дискриминации лиц во владении, пользовании и распоряжении собственностью в зависимости от расы, национальности, этнического происхождения, цвета кожи, половых различий, политических, социальных и религиозных мотивов. Принцип универсальности свидетельствует о том, что принципы и нормы о правах человека обязательны для всех государств-членов мирового сообщества и в отношении всего их населения.

Часть 2 ст. 1 Протокола №1 предусматривает, что «*предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют право государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов*». Приведенные положения Протокола говорят, во-первых, о том, что государство принимать вправе такие законы, которые предусматривают возможность контроля за собственностью, во-вторых, указанный контроль должен осуществляться в общественных интересах, и,

¹⁵⁶ Международное право. Учебник. /Под ред. Г.И. Тункина. М, 1994. С. 106.

¹⁵⁷ Международное право в документах. /Сост. Н.Т. Блатова. М, 1982. С. 305.

¹⁵⁸ Международное право в документах. /Сост. Н.Т. Блатова. М, 1982. С. 309.

¹⁵⁹ Международное право. Учебник. /Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М, 1999. С.479.

в-третьих, контроль необходим для осуществления реализации фискальной, карательной и других видов политики.

Возможность государства принимать законы, которые бы предусматривали контроль за использованием собственности, имеет следующие цели: защиту прав собственников и защиту интересов государства и общества. В настоящее время можно выделить два направления контроля государства за собственностью: в интересах общества и государства; в интересах государства (его экономической, государственной безопасности, обороноспособности и т. д.).

Статья 6 антимонопольное законодательство Российской Федерации¹⁶⁰ содержит косвенное ограничение, которое определяет предельные размеры предприятия, оперирующего в той или иной сфере. А это определенным образом сказывается и на количестве имеющегося имущества. Поэтому в ч. 2 ст. 213 ГК РФ, в конечном счете, появилась норма «Количество и стоимость имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, не ограничиваются, за исключением случаев, когда такие ограничения установлены законом в целях, предусмотренных п. 2 ст. 1 настоящего Кодекса»¹⁶¹. Подобного рода ограничения права собственности осуществляются в интересах общества, поскольку напрямую затрагивают его интересы как субъекта имущественных отношений.

Интересным представляется дело рассмотренное Судебной коллегией Верховного Суда РФ по иску гражданки США.

Истица, гражданка США, просила истребовать имущество, являющееся культурной ценностью, из чужого незаконного владения. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ рассмотрела в судебном заседании 27 октября 2000 г. протест заместителя Председателя Верховного Суда РФ на определение судьи Пресненского межмуниципального суда г. Москвы от 16 декабря 1999 г., определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28 января 2000 г. и постановление президиума Московского городского суда от 24 августа 2000 г. по делу гражданки США Марта Херцог Вайс де Шепель Ниренберг, обратившейся с иском к Правительству РФ о признании права собственности на коллекцию картин, принадлежавшую ее матери, конфискованную в мае 1944 г. и вывезенную в Германию. Истица указала на то, что по ее данным в настоящее время картины

¹⁶⁰ Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. (в послед. ред.) «О конкуренции и ограничении монополистической на товарных рынках». // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР, 1991. №16. Ст. 499.

¹⁶¹ Хохлов С.А. Право собственности и другие вещные права. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 1995. №8. С. 122.

находятся в музеях РФ и просила суд обязать ответчика вернуть эти картины ей, как наследнице собственника коллекции, у которого она была незаконно изъята.

В протесте заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации поставлен вопрос об отмене состоявшихся судебных постановлений, как вынесенных с нарушением норм процессуального права. Проверив материалы по иску, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ считает, что иск подлежит удовлетворению.

В соответствии с ч.1 ст.46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его права и свобод. Эта конституционная гарантия права на судебную защиту в силу ч.3 ст.62 Конституции РФ распространяется на иностранных граждан и лиц без гражданства. В соответствии со п. 5 и 6 «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью», принятой на 96 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г., в тех случаях, когда это необходимо, следует создать и укрепить судебные и административные механизмы с тем, чтобы обеспечить жертвам возможность получать компенсацию с помощью официальных или неофициальных процедур, которые носили бы оперативный характер, являлись бы справедливыми, недорогостоящими и доступными. Жертв, стремящихся получить компенсацию с помощью таких механизмов, следует информировать об их правах (п. 5). Следует содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв, в частности, путем:

а) принятия мер для сведения к минимуму неудобств или жертв, охраны их личной жизни в тех случаях, когда это необходимо, и обеспечения их безопасности, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и их защиты от запугивания и мести;

б) предотвращения неоправданных задержек при рассмотрении дел и выполнении постановлений или решений о предоставлении компенсации жертвам (п.6).

С учетом этих принципов и норм доступ к правосудию не должен преграждаться путем установления пошлин и иных платежей, уплата которых затруднительна или невозможна для граждан и иных лиц, обращающихся в суд за защитой своих прав и охраняемых законом интересов.

Установление размера государственной пошлины за подачу искового заявления Марты Херцог Вайс де Шепель Ниренберг в суд в 1 миллиард рублей не основана ни на каких фактических данных о действительной стоимости картин, принадлежавших родственникам заявительницы,

и не может рассматриваться иначе, как установление невыполнимого для истицы требования и незаконное воспрепятствование в осуществлении ее права на судебную защиту прав и свобод.

В соответствии с п. 15 п. 2 ст. 5 Закона РФ от 9 декабря 1991 г. «О государственной пошлине» (в ред. Федеральных законов от 31 декабря 1995 г., от 20 августа 1996, от 19 июля 1997, от 21 июля 1998, от 13 апреля 1999) от уплаты государственной пошлины по делам, рассматриваемым в судах общей юрисдикции, освобождаются истцы - по искам об истребовании имущества, имеющего историческую, художественную или иную ценность, из незаконного владения.

Заявление Марты Херцог Вайс де Шепель Ниренберг об обязании Правительство РФ возвратить принадлежащие ей, по утверждению истицы, картины мотивировано тем, что эти картины выбыли из обладания ее матери в результате незаконных действий и должны быть ей возвращены любым владельцем.

Ссылки суда кассационной инстанции на недоказанность незаконности владения ответчиком картинами, являющимися перемещенными во время Второй мировой войны ценностями, и на сомнительность доводов истицы о наличии у нее права собственности на эти картины, не могут быть приняты во внимание, поскольку на стадии подачи заявления в суд и разрешения вопроса о принятии его к производству суда выводы об обоснованности или необоснованности иска суд делать не вправе. В силу ст. 34 ГПК РСФСР только истец вправе определять предмет и основание своего иска. Суждения по поводу доказанности или недоказанности обстоятельств, на которые ссылается истец, может быть высказано судом только после рассмотрения дела по существу и только в форме судебного решения.

Довод президиума суда надзорной инстанции о том, что при подаче искового заявления истица обязана внести государственную пошлину, исчисляемую от стоимости спорного имущества, на общих основаниях, поскольку одним из требований по ее иску является требование о признании за ней права собственности на указанные в исковом заявлении картины, является неправильным. Заявленный Мартой Херцог Вайс де Шепель Ниренберг в соответствии со ст. 301 ГК РФ иск направлен на восстановление нарушенного, по ее утверждению, права собственности на спорное имущество, имеющее историческую и художественную ценность (виндикационный иск). Доказывание наличия у истца права собственности на истребуемое имущество является одним из элементов этого виндикационного иска и не может быть отделено от основного требования об истребовании имущества, в отношении которого возник спор.

В соответствии с п. 2 ст. 330 ГПК РСФСР состоявшиеся судебные постановления подлежат отмене, а исковое заявление - передаче для рассмотрения по существу без уплаты государственной пошлины в соответствии с п. 2 ст. 329 ГПК РСФСР в суд первой инстанции¹⁶².

Ограничение права собственности граждан на основании незаконного нормативно-правового акта органа государственной власти или местного самоуправления явление достаточно распространенное в Российской Федерации. Это обстоятельство не могли не отметить суды Российской Федерации.

Так, Международная конфедерация обществ потребителей (КонфОП) обратилась в суд с заявлением о признании недействительными постановления правительства Москвы от 13 июня 1995 г. №498 «О мерах по дальнейшему развитию и совершенствованию службы эвакуации и блокировки колес автотранспорта в г.Москве (СЭБКА)» и распоряжения мэра Москвы от 2 декабря 1996 г. №549/1-РМ «О внесении изменений и дополнений в постановление правительства Москвы от 13 июня 1995 г. №498», ссылаясь на то, что указанными нормативными актами предусмотрены блокировка колес автомобилей и принудительная эвакуация транспортных средств в случаях, не предусмотренных законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, чем незаконно ограничиваются права граждан - владельцев транспортных средств свободно использовать свою собственность, а также установлены незаконные платежи за возврат автомобилей гражданам со штрафных стоянок.

Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда 4 июня 1997 г. в удовлетворении заявления отказала.

В кассационной жалобе Международная конфедерация обществ потребителей просила отменить решение как вынесенное с нарушением норм материального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 26 августа 1997 г. решение отменила по следующим основаниям.

В соответствии с ч.3 ст.55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина, в том числе и гарантированное ст.35 Конституции РФ право частной собственности, могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Блокировка колес и эвакуация транспортных средств препятствует реализации права собственников пользоваться своим имуществом и не

¹⁶² Текст определения официально опубликован не был.

может рассматриваться иначе как ограничение права частной собственности. Для установления такого рода ограничений права граждан необходимо прямое указание в законе.

Взаимоотношения между участниками дорожного движения и государственными органами, на которые возложена обязанность обеспечить безопасность дорожного движения, являются административно-правовыми, основанными на властных полномочиях работников милиции, имеющих право требовать от участников дорожного движения соблюдения Правил дорожного движения и налагать на нарушителей этих правил административные взыскания, и на безусловной обязанности участников дорожного движения выполнять законные распоряжения работников милиции. Эти отношения регулируются административным законодательством, в частности КоАП РСФСР, в котором предусмотрена возможность ограничения права собственников автомобилей в форме изъятия транспортного средства, но только в определенных законом случаях.

В соответствии с ч.4 ст.245 КоАП РСФСР задержание транспортного средства производится должностным лицом органов внутренних дел, а также должностным лицом военной автомобильной инспекции при совершении водителем или другим лицом, управляющим транспортным средством Вооруженных Сил Российской Федерации, административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст.114 КоАП.

Поскольку в ч. 2 и 3 ст.114 КоАП РСФСР ответственность за нарушение правил остановки и стоянки транспортных средств не предусмотрена, эвакуация и помещение транспортного средства на платную стоянку (на основании административного акта должностного лица ГАИ за указанное нарушение) незаконны.

Суд первой инстанции, принимая решение о том, что обжалуемые акты приняты в пределах компетенции исполнительного органа власти г. Москвы, ссылаясь на п. «к» ч.1 ст.72 Конституции РФ, согласно которому административное и административно-процессуальное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Федерации.

Однако этот вывод необоснован. В разделе 1 КоАП РСФСР разграничивается компетенция Российской Федерации и ее субъектов в области административного и административно-процессуального законодательства и определены вопросы, по которым представительные и исполнительные органы власти субъектов Российской Федерации вправе принимать собственные правовые акты, не противоречащие Кодексу. Отношения, возникающие между участниками дорожного движения, урегулированы федеральным законодательством (КоАП РСФСР) и

нормативными актами органов исполнительной власти Российской Федерации (Правила дорожного движения и Положение о ГАИ МВД Российской Федерации) и не относятся к компетенции исполнительных органов власти г. Москвы.

Ответственность за нарушение правил остановки и стоянки транспортных средств установлена в ч.2 ст.115 КоАП РСФСР, причем применение за это нарушение каких-либо дополнительных мер ответственности, кроме штрафа, не предусмотрено. Незаконность применения к нарушителям Правил дорожного движения мер ответственности, ограничивающих их право собственности на транспортные средства, со ссылкой на данную статью КоАП РСФСР подтверждена в примечании к ч.2 ст.115 КоАП РСФСР (в ред. Федерального закона от 19 июля 1997 г. №108-ФЗ). Данное примечание, хотя и включено в текст закона после рассмотрения настоящего дела в суде первой инстанции, может быть принято во внимание при кассационном рассмотрении дела, поскольку оно не изменяет содержание ранее действовавшей нормы, а дает ее официальное толкование.

При таких обстоятельствах решение суда об отказе в удовлетворении требований заявителя о признании недействительными постановления правительства Москвы от 13 июня 1995 г. №498 и распоряжения мэра Москвы от 2 декабря 1996 г. №549/1-РМ в части установления ограничения права собственников автомобилей в виде эвакуации автомобилей и блокировки колес за нарушение правил остановки и стоянки транспортных средств вынесено с нарушением норм материального права и подлежит отмене¹⁶³.

Вывод суда о том, что обязанность граждан оплатить эти расходы, связанные с эвакуацией заблокированного автомобиля, основана на гражданско-правовой ответственности возместить вред, причиненный интересам государства и общества, также ошибочен. В соответствии со ст.1064 ГК РФ вред возмещается тому, кому он был причинен виновными дей-

¹⁶³ Бюллетень Верховного Суда РФ, 1998. №2. С. 3. С учетом положений ч.1 ст.3.7 нового Кодекса об административных правонарушениях РФ от 30 декабря 2001 г. конфискация как мера административного наказания назначается исключительно судом. Вместе с тем КоАП РФ конфискацией не признает изъятие из незаконного владения лица, совершившего административное правонарушение, орудия совершения их законному собственнику; подлежащих в соответствии с федеральным законом возвращению их законному собственнику; изъятых из оборота либо находящихся в противоправном владении лица, совершившего административное правонарушение, по иным причинам и на этом основании подлежащих обращению в собственность государства или уничтожению. – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. М., 2002.

ствиями причинителя вреда. По смыслу решения городского суда компенсацию этого вреда должно получить государство, а не коммерческие организации, привлеченные к выполнению работ по эвакуации и хранению транспортных средств. В отношении этих организаций нарушитель Правил дорожного движения никаких виновных действий не совершал, на их имущественные интересы не посягал; непосредственная причинная связь между действиями нарушителя и возникшими у указанных организаций расходами отсутствует, поэтому нормами гражданского законодательства о возмещении вреда, причиненного имуществу юридического лица, данные правоотношения не регулируются.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ при рассмотрении указанного дела «не нашла возможным вынести по делу новое решение, не передавая дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции потому, что в суде первой инстанции предмет судебного разбирательства по настоящему делу надлежащим образом определен не был, что повлекло за собой неправильное определение круга юридически значимых для дела обстоятельств»¹⁶⁴.

Как видно из текста заявлений КонфОП, поданных в суд, они просили признать обжалуемые правовые акты полностью недействительными, но приводимые в жалобах и в объяснениях представителей заявителя в судах первой и кассационной инстанции доводы в поддержку заявлений касались лишь некоторых положений названных нормативных актов, устанавливающих дополнительную административную ответственность за нарушение правил остановки и стоянки транспортных средств и предусматривающих оплату услуг по транспортировке транспортного средства на платную стоянку и за его хранение на этой стоянке.

Между тем в указанных нормативных актах предусмотрена возможность эвакуации транспортных средств и в других случаях, в частности, при необходимости освободить проезжую часть после дорожно-транспортного происшествия или при подготовке к проведению массовых мероприятий, а также регулируются вопросы компенсации расходов транспортных организаций, привлекаемых для выполнения этих работ. По каким основаниям заявитель оспаривал эти положения постановления правительства Москвы от 13 июня 1995 г. №498 и распоряжения мэра Москвы от 2 декабря 1996 г. №549/1-РМ суд не выяснил и оценки этим доводам не дал, хотя сделал вывод о законности этих актов в полном объеме.

Таким образом, решение судебной коллегии по гражданским делам

¹⁶⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ, 1998. №2. С. 3.

Московского городского суда от 4 июня 1997 г. подлежит отмене, а дело - направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции¹⁶⁵.

В Верховном Суде Российской Федерации было рассмотрено и другое достаточно сходное дело. Гр. Невзоров обратился в суд с жалобой на действия работников госавтоинспекции управления внутренних дел Архангельской области, которые 22 сентября 1995 г. со двора дома по улице Попова г. Архангельска вывезли его личный автомобиль «Москвич-412» и поставили на штрафную площадку. Он просил признать указанные действия работников госавтоинспекции неправомерными и обязать ГАИ УВД Архангельской области возратить автомашину.

Решением Октябрьского районного суда г. Архангельска (оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Архангельского областного суда) жалоба Невзорова удовлетворена.

Президиум Архангельского областного суда решения по делу отменил и вынес новое решение об отказе в удовлетворении жалобы Невзорова на действия ГАИ УВД.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене постановления президиума Архангельского областного суда в связи с неправильным применением норм материального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 3 февраля 1997 г. протест удовлетворила, указав следующее.

Как видно из материалов дела, принадлежащий Невзорову автомобиль находился во дворе дома на газоне и по этой причине был эвакуирован на штрафную площадку.

По мнению представителя ГАИ УВД, возражавшего против удовлетворения жалобы, действия работников госавтоинспекции правомерны, поскольку, согласно ст. 4 Закона Архангельской области от 25 мая 1995 г. «Об административной ответственности за нарушение порядка размещения, хранения и стоянки транспортных средств на территории Архангельской области», размещение и хранение транспортных средств на газонах влечет наложение штрафа на водителей этих транспортных средств в размере одной минимальной месячной оплаты труда. В соответствии со ст. 9 упомянутого Закона органам внутренних дел и ГАИ предоставлено право эвакуировать транспортные средства, припаркованные с нарушением установленных этим Законом правил, на охраняемую платную стоянку или штрафную площадку.

Удовлетворяя жалобу, районный суд сослался на то, что ст. 9 указанного Закона противоречит ч. 3 ст. 35 Конституции РФ, в соответ-

¹⁶⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ, 1998. №2. С. 4.

ствии с которой никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда, в связи с чем действия работников ГАИ УВД признаны неправомерными.

Суд кассационной инстанции, не изменяя решение, указал, что районный суд обоснованно признал действия работников ГАИ УВД неправомерными, однако, ими нарушена другая норма - ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, так как Невзоров не был лишен собственности, а незаконно ограничен в своих правах.

Как установил президиум областного суда, отменяя судебные постановления и принимая новое решение, автомобиль Невзорова длительное время находился во дворе жилого дома на газоне, что нарушало законные интересы проживающих в доме граждан, собственник мог осуществлять в отношении своего имущества любые действия, но при этом в соответствии с п. 2 ст. 209 ГК РФ не нарушать права и охраняемые законом интересы других лиц, а поэтому действия работников ГАИ УВД, эвакуировавших автомашину на штрафную площадку, были направлены на защиту интересов этих граждан и правомерны.

Такой вывод надзорной инстанции не основан на нормах материального права. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны или безопасности государства.

Исходя из приведенной конституционной нормы, нельзя признать правомерной ссылку президиума областного суда на п. 2 ст. 209 ГК РФ, поскольку она не устанавливает право изъятия и задержания имущества собственника, нарушившего своими действиями в отношении принадлежащего ему имущества интересы иных лиц.

То обстоятельство, что эвакуация транспортного средства на штрафную площадку ограничивает право собственности, усматривается из ст. 9 и 11 Временного положения о порядке задержания транспортных средств в г. Архангельске, утвержденного решением Архангельского городского Совета народных депутатов от 6 апреля 1993 г., согласно которым задержанное транспортное средство выдается лишь при предъявлении квитанции на уплату установленных штрафных санкций, а также услуг по отбуксировке и хранению; транспортные средства, не востребованные со штрафных стоянок по истечении года, по вынесенному решению суда подлежат реализации на аукционах или через комиссионные магазины.

Эвакуация транспортных средств, припаркованных с нарушением указанных правил, предусмотрена упомянутым Законом Архангельской об-

ласти. В федеральных законах об административной ответственности за подобные проступки такое ограничение права собственности отсутствует.

Так, задержание транспортных средств, т.е. запрещение его эксплуатации с помещением на специально отведенное охраняемое место, предусмотрено ст. ст. 114 и 245 КоАП РСФСР, то касается лишь случаев эксплуатации транспортных средств, имеющих неисправности, которые угрожают безопасности дорожного движения.

Таким образом, эвакуация автомашины Невзорова при обстоятельствах, установленных судом, не предусмотрена федеральным законом, нарушает его права и в силу ст. 55 Конституции РФ незаконна¹⁶⁶.

Анализ указанных направлений *государственного контроля за собственностью* показывает, что в сфере обеспечения общественных и личных интересов можно выделить его следующие направления: контроль над оборотом оружия¹⁶⁷; санитарно-эпидемиологический контроль¹⁶⁸; ветеринарный контроль¹⁶⁹; фитосанитарный контроль¹⁷⁰; наркотических и психотропных веществ¹⁷¹; контроль за недвижимой собственностью¹⁷²; контроль качества продукции¹⁷³; контроль за оборотом фармацевтической продукции¹⁷⁴ и другие виды государственного контроля, осуществляемого как в интересах общества, так и в интересах отдельной личности.

Второе направление государственного контроля – это контроль, осуществляемый в интересах государства: налоговый контроль¹⁷⁵; таможен-

¹⁶⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ, 1997. №6. С. 9.

¹⁶⁸ Федеральный закон от 13.12.96 г. «Об оружии» (в послед. ред.) //Собрание законодательства РФ, 1996. №51. Ст. 5681.

¹⁶⁹ Федеральный закон от 30.03.99 г. «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» //Собрание законодательства РФ, 1999. №14. Ст.1650.

¹⁷⁰ Закон РФ от 14.05.93 г. «О ветеринарии». //Ведомости СНД РФ и ВС РФ, 1993. №24. Ст.857.

²⁶⁹ Закон РФ от 14.05.93 г. «О ветеринарии». //Ведомости СНД РФ и ВС РФ, 1993. №24. Ст.857.

¹⁷¹ Федеральный закон от 8.01.98 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах». //Российская газета, 1998. 15 января.

¹⁷² Федеральный закон от 21.07.97 г. «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». //Собрание законодательства, 1997. №30. Ст.3594.

¹⁷³ Закон РФ от 10.06.93 г. «О сертификации продукции и услуг». //Российская газета, 1993. 25 июня.

¹⁷⁴ Федеральный закон от 22.06.98 г. «О лекарственных средствах» (с послед. изм и доп.). //Собрание законодательства РФ, 1998. №26. Ст. 3006.

¹⁷⁵ Налоговый кодекс Российской Федерации от 5.08.2000 г. М.: Юридическая литература, 2000; Закон РФ от 12.12.91 г. (в послед. ред.) «О налоге с имущества, переходящего в порядке наследования или дарения». //Ведомости СНД РФ и ВС РФ, 1992. - №12. Ст.593; 1993. №4. Ст. 118; №14. Ст.486; Собрание законодательства РФ, 1995. №5. Ст.346.

ный контроль¹⁷⁶; валютный контроль¹⁷⁷; экспортный контроль¹⁷⁸. В определенной степени к указанному виду контролю можно отнести государственный контроль за осуществлением деятельности в рамках прав предоставленных лицензий на осуществление отдельных видов государственной деятельности¹⁷⁹.

Так, таможенный контроль, осуществляемый государством, представляет собой совокупность мер, осуществляемых таможенными органами Российской Федерации в целях обеспечения соблюдения законодательства РФ о таможенном деле, а также иного законодательства Российской Федерации и международных договоров, контроль за исполнением которых возложен на таможенные органы РФ¹⁸⁰. Основной целью таможенного контроля является выявление с помощью различного рода проверок соответствия проведенных таможенных операций и действий таможенному законодательству, соблюдения физическими и юридическими лицами, участвующими в таможенной деятельности, установленных таможенных правил и процедур¹⁸¹. Таким образом, таможенное законодательство определяет порядок перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу РФ, а таможенный контроль оказывает содействие, чтобы указанный порядок соблюдался в установленных рамках и на равных условиях для всех участников внешнеэкономической деятельности. Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 11 марта 1998 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности ст. 266 Таможенного кодекса РФ, части второй ст. 85 и ст. 222 Кодекса об административных правонарушениях РСФСР в связи с жалобами граждан М.М. Гаглюевой и А.Б. Пестрякова» отмечал, что «право частной собственности, не являясь абсолютным, может быть ограничено законом. Одна-

¹⁷⁶ Таможенный кодекс РФ от 18.06.93 г. (с послед. изм. и доп.). // Российская газета, 1993. 21 июля.

¹⁷⁷ Закон РФ от 9.10.92 г. «О валютном регулировании и валютном контроле». // Российская газета, 1992. 4 ноября.

¹⁷⁸ Федеральный закон от 18.07.99 г. «Об экспортном контроле». // Собрание законодательства РФ, 1999. №30. Ст. 3774.

¹⁷⁹ В этой области необходимо отметить федеральные законы: от 30.11.95 г. «О континентальном шельфе Российской Федерации». // Российская газета, 1995. 7 декабря; «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации». // Российская газета, 1998. 24 декабря.

¹⁸⁰ Комментарий к Таможенному кодексу РФ. / Под общ. ред. В.А. Максимцева, Б.Н. Габричидзе. М, 1997; Таможенное право. Общая и особенная часть. / Под ред. В.Г. Драганова, М.М. Рассолова. – М, 2001. С. 314.

¹⁸¹ Таможенное право. Общая и особенная часть. / Под ред. В.Г. Драганова, М.М. Рассолова. – М, 2001. С. 314.

ко при этом как сама возможность ограничений, так и их характер определяются законодателем не произвольно, а в соответствии с Конституцией РФ. Согласно ее ч. 3 ст. 55 права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Достижению этих целей служит и таможенное регулирование, включая установленные ТК РФ меры юридической ответственности, в том числе связанные с ограничением права собственности».

Приведенные виды государственного контроля являются инструментом государственного управления для осуществления основных функций современного государства.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПОНЯТИЕ «ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ» (краткий обзор содержания книги) ВСТУПЛЕНИЕ	4
II. ОБЪЕМ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ	9
«Автономное» значение понятия «имущество»	17
III. ТРИ НОРМЫ	21
IV. ОБОСНОВАНИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ	27
Соразмерность	33
V. ДРУГИЕ ВОПРОСЫ	
Сочетание статьи 1 Протокола №1 со статьей 14	46
Длящиеся нарушения	47
Применение гарантий права собственности в отношениях между частными лицами	48
ОБЪЕМ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ	50
Гарантии и ограничения права собственности	55
Правовые основания лишения права собственности	90

Учебно-методическое пособие

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

Статья 1 Протокола №1

ПРАВО НА СОБСТВЕННОСТЬ

Моника Карсс-Фриск
А.Н. Жеребцов, В.В. Меркулов,
А.Г. Эртель

Редактор О.В. Лужина
Корректор М.Р. Василенко
Компьютерная верстка Н.А. Алексеева
Художник В.Б. Касякин

Лицензия ИД 01041 от 23.02.2000

Подписано в печать _____.

Формат 60х90 ¹/₁₆

Объем – 7 п.л. Тираж – 17000 экз.

Российская академия правосудия

Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69 а